

С НУЛЕВОГО РАНГА



СЕРГЕЙ РЕАЛОВ
АРОН РОДОВИЧ

Том 8

**Арон Родович
Сергей Реалов**

**Регрессор. Заново с
нулевого ранга! Том 8**

<https://litres.ru/74609379>

SelfPub; 2026

Аннотация

Меня предали и бросили умирать в S-разломе. И очень зря!
Ведь я вернулся на двенадцать лет назад!

Теперь мне снова двадцать два. Ранг Е, денег кот наплакал, магии почти ноль. Зато за плечами двенадцать лет рейдов, боевой опыт ветерана и знание секретов, за которые сильнейшие гильдии готовы убивать.

Пока новички боятся первого разлома, я валю босса заточенной трубой. Пока гильдейские шишки делят добычу, я забираю своё. А самоуверенных инструкторов, решивших поставить меня на место, ждёт большой сюрприз!

Правда, прошлое уже начало меняться, а мои знания будущего перестают быть надёжными.

Ну и отлично! Кто сказал, что я собирался играть по старым правилам?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	34
Глава 4	48
Глава 5	63
Глава 6	80
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Сергей Реалов, Арон Родович Регрессор. Заново с нулевого ранга! Том 8

Глава 1

Рассвет в день тридцать третий пах железом и мокрой травой. Мы лежали на бугре за старой весовой с четверть пятого, и я успел выучить каждую выбоину на её бетонной плите, каждую травинку в трещине, каждый звук, который имеет право прозвучать здесь до восьми утра. За двенадцать лет засад наслушался такого до тошноты. Сейчас за навесом шуршала вода в канаве, дальше скрипела незакреплённая доска. Ни голосов, ни мотора. Когда конвой выйдет к мосту, мне надо услышать его раньше, чем нас заметят с дороги.

Разводил я семерых коротко, на пальцах, вполголоса, пока темно ещё позволяло собраться в кучу.

— Тагир. Тягач твой, но только на малом ходу, на весовой, где он сбросит до шага. Не прыгать под колёса. Ты не снаряд, ты стенка: выносишься на тракторную гать сбоку, опускаешь тяжёлую поперечину старых ворот в створе и уходишь

за бетонную тумбу. Машина либо тормозит, либо упирается в балку, не в тебя.

— Я широкий, — согласился Тагир, примеряясь плечом к краю бетонной тумбы. — Мне не жалко.

— Руслан, Яна — фланги, прикрываете Тагира, но огонь только по моей команде и только по колёсам, если пойдёт совсем гнилой вариант. Борис — опоры весовой и тот столб, что держит навес. Если навес пойдёт вниз — это наш козырь, а не их, но только по твоему решению: где подпереть, где наоборот подтравить. Тони — сопровождение твоё. Как только головная машина встала, ты отсекаешь её людей от кузова, между ними должна лечь твоя тень, а лучше — твой голос.

— Голос ляжет, — пообещал Тони таким тоном, что я почти пожалел конвойных.

— Инга — за моим левым плечом, метрах в десяти, медсумка открыта заранее. Покажешь её охране, когда положат стволы. Пусть сразу видят, что раненым помогут; нам ещё с ними передачу оформлять. Ада — свет и метки. Мел и фонарь на растяжке. Секторальный глушитель, если он у них есть, давит эхо и радио, но не давит мел, не давит верёвку и не давит колокол. Сегодня всё наше — механика и глаза.

Ада подняла дощечку: «Разговариваете долго. Свет проверили?»

— Проверили, — показал ей и повернулся к своим. — Дальше. Нам транспортная выписка говорит: один отсек, один кузов, четыре ствола. Я этой выписке без проверки не

верю. Бумага показывает назначенный порядок, не нынешнюю загрузку. Работаем по глазам: колесо, колея, пружины, расстановка. Всё.

Инга тронула меня за локоть — левый, рабочий, — повернула запястье, глянула на повязку, на манжету с эхом. Холодные четыре из двенадцати сидели на коже ровно, без дрожи.

— Идёшь щадяще, — сказала она. Не спросила. — Правую беречь, пика слева, ладонью не бить, у тебя ладонь в синяке. Рёбра — дыхание держать, не рвать. Если я увижу, что ты втягиваешь воздух рывком, я тебя самого уложу рядом с конвойными.

— Договорились, — сказал я. — Ты у нас единственная, кто может разоружить меня одним взглядом.

— Не преувеличивай. Мне нужен ещё бинт.

Первый звук конвоя пришёл не мотором — мостом. Узкий мост за второй гатью поёт раньше, чем слышен двигатель: досками, железом перил, низким гулом настила. Поднял левый кулак. Тони сразу лёг ниже, Инга втянула сумку под локоть. Все семеро застыли на своих местах; из-за края весовой теперь виднелась только трава.

Они шли красиво, надо отдать им должное. Машина сопровождения впереди, транспорт следом — как в выписке. Но за ними шла ещё одна, замыкающая. О ней бумага молчала. И кузов на транспорте был именно тот кузов: один отсек, задрапированный брезентом, с охранником у заднего борта, скучающим и настоящим.

Слишком настоящим. Я смотрел на это сооружение секунд двадцать и чувствовал, как внутри включается тот самый холодный счёт, которому двенадцать лет. Слишком легка. Нагруженный отсек с людьми — это просевшее колесо, это колея, отрезанная в грязь на повороте чётким глубоким ножом, это ленивая тяга мотора на подъёме к нашей гати. Этого не было. Правое заднее шло по грязи легко, колея за ним — царапина, не рез. И пружины под этим кузовом стояли как у порожняка, а брезент на ходу вздыхал пустотой — я видел этот вздох, его не подделаешь.

А вот машина сопровождения... я перевёл взгляд на её передние колёса. Передок её сидел на дороге тяжело, по-рабочему, и на подъёме мотор её вытягивал груз с той ленивой натугой, которую я слышал тысячу раз на базарных трактах. И расстановка людей была не про охрану кузова, а про охрану кабины: двое держались не к транспортному отсеку — к сопровождению, к его правому борту, к тому месту, где у таких машин стоит сварной короб за спиной водителя.

— Ложный кузов, — выдохнул я Тони. — Люди в сопровождении. В коробе за кабиной.

— Откуда знаешь? — Тони повернул голову ко мне, оставаясь ниже края бугра.

— Колесо не врёт, Тони. Колесо — единственный честный человек в этом конвое.

И тут они включили глушитель. Я почувствовал это не ухом — кожей, тем местом на левом запястье, где сидела

манжета: холод в ней дрогнул и пошёл ватным, как будто между мной и эхом положили подушку. В передатчике Бориса пропало шипение. Он покрутил настройку, посмотрел на меня и убрал руку. Лёва на другом конце, похоже, тоже остался без нашего канала; спросить его теперь было нечем. В манжете оставались четыре импульса. Проверка подавленного контакта съела бы один, не дав надёжного хода.

Я не стал его тратить. Не из героизма — из арифметики. Поле конвоя глушит и свой расход, и наш ответ; я потрачу импульс и всё равно буду знать только то, что вижу глазами. А по колёсам и пружинам я уже выбрал машину; теперь следил за сопровождением: секторальный глушитель не вешают вокруг пустого кузова. Его вешают вокруг груза. Работающий подавитель — это указатель. Спасибо, ребят, сами подписали.

Но и они были не лыком шиты. На въезде к весовой, за сотню метров, конвой сыграл мне красивый финт: сопровождение ушло вправо, на объездную колею, как будто готовит ложный отход, а транспорт с пустым кузовом покати́л прямо к весовой — втянуть нас в удар по пустоте. Расчёт на то, что мы клюнем на кузов. Честно: за пустой кузов я бы и клюнул месяц назад.

— Не двигаться, — прошелестел я. — Пустышку пропускаем. Работаем по второй.

И они проехали мимо нас. Мимо нас, Димы Пырьева с пикой Тихона в левой руке, мимо семерых моих, лежащих в

траве, — и не увидели ничего, потому что мы были травой. Пустой кузов прокатился через весовую со скоростью пешехода, и в этот момент Тагир встал.

Он вышел на тракторную гать сбоку, из кювета, неторопливо, как выходят на крыльцо за водой, и опустил тяжёлую поперечину ворот в створ перед машиной сопровождения — уже разворачивающейся с объезда обратно к весовой. Сам ушёл за бетонную тумбу. Балку нельзя объехать: по краям кювет и столб, справа под прикрытием Яна, слева Руслан со щитом.

Машина встала. Заревела, дёрнулась, снова встала. Борис уже был под опорой навеса и делал что-то с столбом, отчего старый железный колокол на весовой вдруг коротко, хрипло ударил — раз, другой, — и на этот звук повернулись оба охранника у кабины. Борис дал нам условленный сигнал вовремя: подавитель резал радиоканал, а механическому звону радиопомеха не мешала.

Тони пошёл вдоль машины — не бегом, шагом, голосом вперёд себя:

— Мужики, доброе утро! Смена обстановки. Из машины по одному, руки на капот, жить будете долго и с пенсией!

Охрана работала профессионально, ничего не скажу. Не паника — работа. Один ушёл за колесо, второй нырнул к борту, третий выбил заднюю дверцу кабины с той стороны, где меня не ждали, — ловушка дверей, расчёт на то, что нападающий зайдёт сзади к коробу, а тут выход с боку и зов

снаружи. Я был там.

Не потому что предвидел. Потому что двенадцать лет: если у тебя в машине груз и глушитель, ты защищаешь не машину — выход. Я обошёл спереди-слева, вдоль тени, под самой платформой, и шёл низко, на здоровых целых ногах, которые я в последние дни ценил, как никогда. Пика Тихона — в левой, ушибленной ладони нило, но держала. Правую я не тянул и не поднимал: три штифта и два немых пальца — не хват и не удар, я знал им цену и не платил лишнего.

Первый обмен случился у переднего колеса. Он вышел из-за капота с автоматом на груди, я — из-под платформы, снизу, и снизу у меня было преимущество, которое не отнимает ни один ранг: рычаг. Я подсёк ему опору подколенным упором пики — не удар по суставу, а сметание опоры, — и пока он падал назад, садясь в грязь, Яна уже лежала рядом с его стволом, и Руслан стоял над ним с лицом человека, которому скучно.

— Живой? — Руслан наклонился над охранником, оставаясь между ним и автоматом.

— Живой и даже целенький, — пропыхтел тот, глядя на пику. — Это чё, пика?

— Реликвия, — сказал я. — Рукопашный музей. Лежать.

Второй обмен был хуже. Тот, что выскочил из боковой дверцы, был не охранник — командир звена, и он работал на изъятие меня: короткий заход, приклад, уход. Он был быстрее меня. Честно быстрее. И я не стал соревноваться с ним

в скорости — я соревновался с ним в геометрии: два шага назад, разворот за кронштейн рамы у переднего колеса, и его приклад лёг на кронштейн, встретил железо, а не мою голову. Полсекунды он выбирал. Мне хватило четверти: левая, пика, крюк под локоть, разворот — и его автомат поехал в грязь, а сам он поехал за ним. Довёл его вниз: коленом прижал к земле, древком поперёк лопаток удержал под своим весом. Левая оставалась на пике; ладонь уже ныла так, что ещё и опираться ею я бы не смог.

— Сдаюсь, — сказал он в грязь, очень спокойно. — Ты из старой школы.

— Из длинной, — сказал я. — Из той, где ещё помнят, что убитый свидетель молчит, а живой говорит.

Руслан перехватил командира за локоть, а я прислонил пику к раме и заглянул под платформу, освободив левую. За передним колесом висел глушитель: тёмная коробка на кронштейне, короткая антенна-решётка, блок питания в поддоне. Провёл пальцами по кабелю до штатного разъёма. Можно отключить, сохранив коробку целой. Разъём, защёлка, три пальца — не немые, левые, — и блок питания вышел из гнезда мягко, как книга с полки. Глушитель умер мгновенно, беззвучно, целиком: сам узел остался на креплении нетронутым — пусть Аудит потом гадает, что это было. Держатель я обозначил куском мела Ады: белый крест на кронштейне.

— Эфир! — крикнул Борис. — Лёва, слышишь нас?!

Издалека, от фонаря Ады на весовой, что-то вспыхнуло трижды — механический ответ, живой, никакой электроники. Всё. Мы снова были в мире.

Остальное было делом Инги. Она шла вдоль конвоя с открытой сумкой и той своей походкой, от которой здоровые сами ложатся, а раненые сами дышат ровнее. Охрана складывала оружие на капот — три ствола, потом четвёртый, у того, что сидел в грязи, — а Инга уже перетягивала кому-то запястье и говорила:

— Молодец, хорошо стоишь. Дыши. У тебя ушиб, парень, а не перелом, повезло.

— Повезло, — согласился тот, которому я подсек пикой ноги. — А если б ты остриём ударил?

— Она тяжёлая, — сказал я. — Это честнее.

Тони принял у командира звена ключи, документы, тщательно, под опись Гриши, которую Инга держала развёрнутой:

— Приказ подлинный? Подлинный. Опись сходится? Сходится. Вот и славно: бумага у нас против бумаги, а люди у нас против людей, и все пока живые.

Командир звена смотрел на меня снизу вверх, всё ещё с грязью на скуле.

— Ты Пырьев, — сказал он. Не спросил.

— Я Пырьев.

— Нас предупреждали, что ты возьмёшь кузов на весовой.

— Меня предупреждали тоже. Что вы повезёте кузов. Мы

оба плохо слушали своих разведчиков — но я слушал колесо.

И тут Борис, который уже залез смотреть короб за кабиной, крикнул — впервые за утро голосом, а не шёпотом:

— Дима! Двери! Открывай сам, тут замок штатный, я не хочу ломать!

Забрал пику от рамы, поднялся на подножку и прислонил её к борту в пределах досягаемости. Правую в полуортезе держал у груди, чтобы дверца её не задела. Борис отступил, освобождая мне место у замка. Замок был штатный, поворотный. Я повернул его левой, потянул — и дверь пошла внутрь, в полутьму, пахнущую железом, потом и чем-то ещё — человеческим теплом, сбитым в кучу.

Девять человек. Я счёл их сразу, привычно, ещё до того, как глаза разобрали лица. Девять. Сева сидел у передней стенки, ближе всех к глушителю, — осунувшийся, в своей куртке от Гришиной мастерской, с остатком гришиной же изоленты на рукаве. И восемь новых лиц, которых я не знал: мужчины, женщины, молодые и не очень. Ближайшая к двери женщина закрылась локтем от света. Мужчина за ней приподнялся, чтобы посмотреть через её плечо, и снова сел, упираясь связанными кистями в колени.

— Выходите по одному, — сказал я в полутьму. — Медленно. Вы свободны, насколько вообще можно быть свободными в день тридцать третий.

Сева поднял голову. Взгляд скользнул по пике, задержал-

ся на знаке на моей куртке — ладони — и поднялся к лицу. Я узнал это движение: так он смотрел на меня и раньше, когда проверял, свой ли перед ним. Сейчас уголок его рта пополз вверх. Он приподнялся у стенки, открыл рот, чтобы сказать моё имя...

И тут второй — тот, из машины сопровождения, командир звена, — подал голос. Глотнул воздуха и коротко, поставному, рывкнул в сторону короба то, что я не разобрал до конца — обрывок конвойного кода, сигнал, который они гоняли по своим каналам. Что-то из ихнего протокола при захвате. Он, наверное, надеялся поднять своих, позвать помощь, сорвать нам утро.

Но у Севы этот сигнал был не позывным помощи.

Улыбка исчезла. Сева уставился мне в грудь, туда, где только что разглядывал знак. Позвал его ещё раз — взгляд остался неподвижным. В таком тесном коробе я мог лишь загородить дверь, чтобы он, если рванёт, вышел сначала на меня. Он медленно, очень плавно поднялся во весь рост — а рост у Севы был рабочий, тяжёлый, — и встал между мной и восемью людьми в полутьме короба. Не как освобождённый. Как преграда.

— Сева, — сказал я. — Сева, это я. Это Дима. Ты меня узнал, я видел.

Он смотрел сквозь меня. Пальцы его рук — обеих — начали медленно сжиматься, плечи легли вниз, в боевую посадку, и в полутьме за его спиной восемь человек шархну-

лись от него к дальней стенке. Одна женщина заслонила соседа плечом, мужчина у стенки втянул ноги. Значит, им уже доставалось. Когда и сколько — потом спрошу, сейчас бы самим выжить.

Инга за моей спиной втянула воздух. Тони шагнул ближе. Я сдвинул прислонённую к борту пику дальше от проёма и поднял пустую левую ладонь — и сделал полшага вперёд, туда, где кончалась моя земля и начиналась его тишина.

— Мужики, — сказал я кому-то за спиной, не оборачиваясь, очень спокойно. — Отойдите от дверей. И никто не трогает его. Никто. Он свой. Просто он сейчас этого не знает.

Сева сделал первый шаг мне навстречу.

Утро дня тридцать третьего ещё не закончилось.

Он шёл на меня не быстро и не медленно — правильно шёл. Вес на передней ноге, руки не вытянуты, а собраны у корпуса, голова втянута в плечи. Так ходят люди, которых учили не для ринга, а для тесных коридоров и тёмных кузовов. Я успел подумать: спасибо, старая школа, что и меня учили там же.

Правая рука у меня сегодня была не рука, а груз с ортезом. Значит, работаем левой, ногами, геометрией и одним преимуществом: он в трансе, а я в уме. Пока он собирал вес на передней ноге, успел оглядеть скобы на борту. Выиграть на силе с моими рёбрами? Спасибо, уже пробовал. Значит, придётся подвести его к железу.

Первый обмен он забрал у меня дыхание. Честно забрал:

нырок под мою левую, удар в рёбра — туда, где и так всё пело со вчерашней ночи, — и уход. Я не упал только потому, что успел сесть на его руку сверху своей левой, прижать её к своему боку и таким безобразным способом превратить его скорость в общее медленное давление. Мы сплелись и пошли по кругу. Под подошвой скользила грязь; я подбирал шаг, чтобы он не вывернул зажатую руку, и ловил его следующий толчок корпусом.

— Дима, стрелять?! — крикнул Руслан откуда-то сзади.

— Не смей! — выдохнул я. — Живым держим! Оба живыми!

Второй обмен был подлиннее, и там я заплатил по-настоящему. Он вырвал руку, развернулся, и мы встретились грудью в грудь, и секунду это была просто борьба двух дыханий: его — ровное, машинное, трансовое, моё — рваное, со свистом в старых рёбрах. Он давил меня к борту машины. Я дал ему давить — полшага, ещё полшага, — а потом упёрся ногой в скобу на раме и развернул нас обоих. Теперь он прижался спиной к борту. Я удерживал его там, упираясь ногой в скобу; стоило отпустить этот упор, и он снова продавил бы меня.

Удерживая его у борта левым предплечьем и плечом, добрался зубами до пряжки. Сева дёрнул головой, и я чуть не получил в лицо. Бить его за чужую команду? Нет уж. Стянул с себя ремень — левая рука, зубы, секунда, — и петлёй, поясом, не удавкой, рычагом: ремень под его руку, через корпус, и я сел вниз, в упор, коленями в его колени, локтем ле-

вой в его лопатку, собственным весом придавив его к полу кузова. Под коленом хрустнула грязь, занесённая с весовой, и пришлось чуть сдвинуть упор, чтобы не поехать вместе с ним. Ноги мои — здоровые, единственное, что сегодня без претензий, — сделали замок на его ногах. Он дёргался сильно, ровно, без усталости, как двигатель. Я держал и считал его дыхание.

— Инга! — крикнул я. — Я не могу говорить и держать! Говори ты!

Глава 2

— Говорю, — сказала Инга откуда-то у дверей, спокойно, как говорят в детской. — Дима, у тебя левое запястье уходит под неправильным углом, переложи хват. Сева, тебя зовут Сева. Это правда. Это не код.

Он дёрнулся опять. Переложил левое предплечье поперёк его лопаток, как подсказала Инга, а удержание перенёс на плечо и корпус. Ремень оставался под его рукой, ноги — в замке. Высвободить ладонь удалось только на ширину его лица; дальше пришлось бы отпускать совсем.

Крикнуть «свой» ещё раз? Он уже слышал и всё равно бил. Минуту назад узнал знак на моей куртке — ладонь. Попробую его. Развернул левую кисть и положил раскрытую ладонь перед его лицом, на пол, сохраняя давление предплечьем.

Сева продолжал вырываться. Вдох, ещё один. Под нами скрипела доска, ремень резал мне бок; хотелось поскорее закончить, гаркнуть, заставить его хотя бы посмотреть. Стиснул зубы и ждал. Ладонь оставалась перед ним, на расстоянии вытянутых пальцев. Захочет — увидит.

Восемь человек в глубине кузова смотрели на нас, вжавшись в стенку. Женщина у стенки зажала рот ладонью. Рядом мужчина следил за моим ремнём, будто хотел вмешаться, но каждый рывок Севы прижимал его обратно к борту.

Сева дышал лицом в пол. После очередного рывка сбился, закашлялся, замер. Проследил его взгляд: с доски на раскрытые пальцы. Он смотрел на мою ладонь, и я боялся шевельнуть даже мизинцем.

— Дима, — сказал он. Голос был его собственный, не трансовый — хриплый, живой, с вопросом на конце.

— Ты выбрал сам, — сказал я. — Я тебя не отпускаю, потому что ты ещё дрожишь. Но выбрал ты сам.

— Отпустишь, — сказал он. — Когда скажу. Сам.

— Вот это уже разговор, — сказал я, и осторожно набрал воздуха: от облегчения хотелось засмеяться, но рёбра такое удовольствие уже дважды оплатили.

— Теперь, — Сева повернул голову ко мне. — Отпусти.

Разомкнул ноги, ослабил ремень. Он остался лежать, потом сам подогнул колено и сел у борта. Инга присела на корточки рядом, подождала его кивка и проверила дыхание.

— Быстрее не получается, — Сева прервался на вдох.

— Быстрее и не надо. — Инга осталась рядом, пока он выдыхал. — Вот так.

Сидел напротив и убирал ремень; пряжка ещё подрагивала в левой ладони. Дождался, пока пальцы перестали трястись.

Ада поняла всё раньше нас. Она, глухая, не слышала ни конвойного кода, ни команды — она видела: как встали ноги, как легли плечи, как я развернул левую ладонь у его лица, удерживая плечом. Правая оставалась прижата к груди

в полуортезе. И пока я держал Севу, она уже стояла у дверей кузова с фонарём и дощечкой, на которой ещё перед выходом наклеила световые метки: зелёный кружок, красный крестик, полоса. Она поймала мой взгляд и показала последовательность: свет в лицо — не в глаза, ниже, — метка «стоп», метка «свой», потом тактильно — ладонь на плечо, два коротких нажатия. Я кивнул на зелёный кружок; она повторила его, проверяя, понял ли я. Через глушитель мы уже переговаривались метками. Попробуем и здесь, только сначала покажем человеку, чего от него хотим.

Потом она то же самое показала восьмерым в кузове: свет, метка, нажатие, кивок. У женщины в переднем ряду — её потом назвали Зоей Котовой — дрогнули губы, когда Ада положила ладонь ей на плечо и нажала дважды. Зоя смотрела на её руку, так и держась спиной у стенки. При каждом нажатии следил за Зоиным плечом: дёрнется от Ады — останавливаю. Но она оставалась на месте и разглядывала пальцы на своём плече. Пусть освоится; команд с этих людей хватит.

Инга поднялась рядом с Севой и взяла сумку. Я подвинулся, давая ей пройти к восьмерым; после борьбы пока только сидеть и мог.

Инга ждала ответа у каждого. Считал оставшихся у стенки и прикусывал щёку. Так и тянуло поторопить: мы всё ещё на весовой, ещё здесь. Но мужчина перед Ингой смотрел на застёжку и никак не брался за неё. Влезу со своим «скорее» — опять стану тем, кто гонит его из кузова. Ждал. Она при-

села перед ближайшим мужчиной, показала застёжку на его ремне: «Можешь расстегнуть сам? Попробуй. Если больно, я помогу». Подождала, пока он справится, и подала край сумки как опору. «Теперь встать. Можешь? Не можешь — посидим». Мужчина попробовал подняться, сел обратно и выдохнул: «Дайте минуту». Инга кивнула и отодвинулась к соседу, оставив ему место.

Олег Мартынов, широкоплечий, потянулся к ремню соседа. У того пальцы не гнулись после суток в стягивающих петлях; Олег подцепил застёжку широкими пальцами водителя и сам разомкнул ремень: «Потерпи, брат, я аккуратно».

Надя Токарева, самая молодая, вызвалась первой — «я первая, я быстро хожу», — и держала дверь кузова настежь, чтобы никто никого не касался в проёме.

Марк Левин, худой, в очках с треснувшей дужкой, наклонился к Инге, стараясь поймать её взгляд: «У меня с собой письмо, его изъяли при погрузке, оно в пакете в кабине сопровождения, оно по-украински, почерк моей сестры, я должен его получить обратно». Инга попросила Тони проверить пакет; Марк повторил, что письмо должно быть сложено вчетверо, и следил за Тони до самой кабины. Даже когда тот скрылся за дверцей, Марк продолжал смотреть туда. Я ждал вместе с ним: попробуй теперь вернись с пустыми руками.

Кирилл Сазонов молчал дольше всех и потом спросил меня, глядя прямо: «Вы нас не в другой такой же кузов пере-

саживаете?» — и я ответил ему честно: «В микроавтобус, семнадцать мест, с окнами, за рулём наш человек Борис, можешь сесть за ним и смотреть на его руки». Он выбрал место за водителем. Там будет видно, куда мы едем, и кто держит руль; пусть проверяет, я бы после такого кузова тоже проверял.

Рита Дёмина, увидев, как я держу Севу, вдруг сказала: «Его нельзя резко», — и, оказалось, она сутки ехала рядом и знала его ритмы: когда он каменел, когда отпускало. Тони принёс пакет с письмом, Марк проверил сгибы и сам вынул лист.

Лев Сомов, пожилой, с забинтованной кистью, попросил поддержать его перед собой и вызвался переводить вслух, пока готовились ехать, — «чтобы оно уже жило у двух людей, а не у одного».

Вера Лукина, последняя по счёту, тихо разложила на коленях свёрнутую куртку и сказала восьмерым: «Кто замёрз — по очереди, не толпясь».

Тони тем временем держал командира звена — того самого, что рявкнул код. Держал по-нашему: без казни, без страха, сидел с ним рядом на брезенте и говорил, как с человеком: «Ты сделал свою работу, я делаю свою. Сейчас по рации дашь наружному наряду сигнал на сдачу — не потому что мы тебя заставим, а потому что тебе самому дешевле. Тебе и троим твоим ничего не будет, кроме длинного разговора». Командир помолчал и сказал в рацию ровный, уставной

текст: «Наружному наряду у станции. Объект под контролем третьей стороны. Оружие не применять. Прибыть для приёма конвоя». И добавил, от себя: «Живые все». Тони кивнул: «Вот видишь. А говорили, что вы не люди».

Борис в это время лежал под платформой у переднего колеса, у креста, что я намелил, и откручивал глушитель с болтов крепления — узел целиком, не разобранный, с кронштейна, — и потом уложил его в изолированный ящик, туда же, отдельно, в гнездо с войлоком, — питание, которое я снял за разъём. Потом он раскрыл гришину опись и внёс, вслух, чтобы слышали двое: «Узел секторального глушителя, съёмный, целый, болтовое крепление, четыре болта. Питание отдельное, снято за штатный разъём. Держатель сохранён, снят с кузова, не оставлен противной стороне». Я поставил под описью свою закорючку левой рукой. Правая сегодня подписей не давала.

— У меня к этому ящику личные счёты, — сказал Борис, поглаживая крышку. — Он всю дорогу всем нам затыкал рот. Пусть теперь помолчит в войлоке.

Реестр лежал там же, в пакете перевозки, — транспортный, официальный, с приказом. Тони читал его вслух, имя за именем, и каждый из восьмерых откликнулся, кто кивком, кто голосом. И когда Тони дошёл до конца, Марк Левин сказал: «Это имена, которые записали они. Мы их приняли — потому что в кузове без имени плохо, — но выбрали мы их сами». Тони отметил на полях: «имена подтверждены как соб-

ственный выбор». Поднял бумагу перед Марком: «Так верно?» Тот прочитал пометку, показал её соседям. Олег кивнул первым. Тони дождался остальных и только тогда вложил реестр обратно в пакет.

Перебирая пакет, наткнулся на фотографию материнского дома. Узнал крыльцо, покосившуюся стойку; у самой дороги в кадр попал телеграфный столб. Чуть ниже — адрес. Провёл по нему большим пальцем, заставляя себя прочитать ещё раз. Снято с дороги, возможно, через окно кабины. Кто-то стоял там достаточно долго, чтобы выбрать ракурс. Вчера фотографию матери принесли прямо к нам, сегодня её дом ехал в чужом конвойном пакете. Что ещё успели снять? Сложил лист изображением внутрь и зажал между пальцами левой. Восемь спасённых ждали у подножки, передатчик Бориса уже работал. Адрес на листе знал теперь и я; в общем канале ему делать было нечего.

Я отошёл к нашей машине и вышел на парный канал Стёпы. Дал согласованный короткий код: «смотрят за домом, усилить, адрес в общий эфир не давать». Ответ «принято» пришёл голосом Провода. Он оставался дома на своей связи.

Услышав Провода, смог наконец выдохнуть. Хотелось услышать и мать. Пусть спросит, ел ли я, пусть услышит по голосу, что опять натворил дел. Потерплю её ворчание сколько угодно. Лишь бы она сама взяла трубку. Теперь он предупредит живую смену у матери, пока мы ещё на весовой. Лист увезу Кате: ей нужны и снимок, и ракурс, а в эфи-

ре хватит кода.

Машина ждала наша: Борис ещё затемно оставил у обочины, за поворотом от весовой, наш согласованный пассажирский микроавтобус — семнадцать общих мест включая водительское, восемь наших плюс девять спасённых, сходится ровно. Он сбегал за ним и перегнал к выходу с весовой сам, спокойно, как за хлебом. Конвойный тягач мы не трогали — он не становился нашими размерами, он оставался ихним железом на ихней весовой, вместе с пустым лёгким кузовом-обманкой, который они готовили для чужих разведчиков, слушавших старый прогноз. Выписка не показала подмену загрузки. Мы слушали колесо.

Наружный наряд подъехал к весовой со стороны станции через двадцать минут — двое, хмурые, пустые. Тони передал им четверых конвойных охранников и отдельно водителей с машинами по описи, под расписку, и честно сказал: «Перевозить будете? У нас мест ровно на своих». Старший наряда кивнул на свой транспорт: «Увезём своей машиной, не в вашу тесноту». И это была лучшая фраза этого утра из чужих уст.

Сева шёл к микроавтобусу сам. Держался в полушаге слева, давая ему самому выбирать скорость. На ступеньке Сева замедлился, и я тоже остановился. У самой двери он остановился и сказал, глядя на изоленту на своём рукаве:

— Это Гришино. Я помню Гришу. Я не помню себя всего. Я помню сегодняшнее: твой знак, ладонь на полу и то, что

ты не стал меня перекрикивать.

— Этого хватит, — сказал я. — Остальное будем проверять вместе с тобой, когда сам захочешь. Гришины вещи, мастерскую, людей. Что вспомнится — запишем, что нет — так и оставим пустым.

Он сел первым, у окна. Рита Дёмина села через проход. Сева показал на место у окна: «Здесь останусь». Она согласилась и придержала спинку, пока он устраивался. Он выдохнул, привалившись затылком к стеклу, потом посмотрел на неё и кивнул.

Пересчитал всех, называя по имени и задерживаясь взглядом на каждом: Сева, Олег, Надя, Марк, Зоя, Кирилл, Рита, Лев, Вера. Девять. Живых девять. На последнем имени выдохнул; можно было садиться самому. Кирилл сидел за спиной Бориса и смотрел на его руки. Надя держала дверь, пока садился последний. Зоя раздавала чью-то куртку. Лев Сомов уже начинал, тихо, переводить письмо сестры Марка, и Марк слушал, закрыв глаза.

Инга села у прохода, сумка на коленях. Ада погасила фонарь и показала мне две метки: зелёный кружок и полосу. Путь чист, порядок.

— Домой едем не быстро. — Задержался у прохода, давая всем отдышаться; говорить пришлось короткими выдохами, зато слышали все девять. — Имена, которые вы выбрали, — ваши. Кому захочется другое — это будет ваше следующее решение, не наше. Первая задача теперь простая и скучная:

всех разместить так, чтобы никто никуда не делся ни с вами, ни без вас.

Борис завёл мотор. На весовой позади нас остались тягач, пустой кузов-обманка, чужая растерянность и меловой крест на месте, где больше нет глушителя.

Утро дня тридцать третьего кончалось. А день — ещё нет. На первой колее микроавтобус качнуло, и сзади кто-то охнул. Борис сбросил ход. Дальше ехали тихо, объезжая глубокие выбоины; теперь их было видно со стороны совсем иначе, чем когда мы шли сюда затемно. Я сидел на переднем пассажирском, левая рука на колене, правая — в полуортезе, на мягкой подкладке, два пальца так и молчали. Рёбра ныли на каждой колее. Борис перед каждой ямой приподнимался за рулём, выбирая, каким колесом её пройти. Всё равно на кочках хватало; у меня хотя бы спереди было видно, когда стиснуть зубы.

За спиной — девять спасённых и шестеро наших. Двое полевых — я и Борис — сидели впереди. Сзади было тихо. Хотел обернуться и проверить, как там Сева, но от поворота сразу потянуло рёбра. Пришлось слушать: дышат, на кочках шуршат куртками. В кузове я уже наслушался их молчания; пусть хоть здесь заговорят.

Тони первым подался вперёд с третьего ряда, обращаясь ко всему салону:

— Так. Предлагаю ввести правило борта. Каждый, кто впервые едет в этом автобусе, обязан назвать одно блюдо,

которое он умеет готовить. Не «любимое», а именно умеет. Это не допрос. Это инвентаризация.

— У нас что, ужин из этого вырастет? — Олег Мартынов повернулся к Тони. Начал Олег вполголоса, а про ужин уже расслышал даже я спереди, через гул мотора. На слове «вырастет» у него в голосе прорезалась усмешка. Давай, Тони, отвечай. Я слушал, всё ещё глядя на дорогу.

— Из этого, — Тони повернулся к Олегу, — вырастает ужин. Приезжаем, а дома опять спорят, кто воду на кашу поставит. Скажешь «я водитель» — будешь воду возить. Так что выбирай осторожно.

Ответили не сразу. Смотрел перед собой, ждал хоть слова из салона. Ну, Тони, с инвентаризацией ты, кажется, зря. Но Зоя Котова подалась к проходу:

— Гречку с луком. Правильную, где лук не сгорел.

— Принято, — серьёзно кивнул Тони. — Следующий.

— Я умею чинить замки, — Кирилл Сазонов повернулся к Тони через проход. — Это не блюдо. Но если у вас в доме есть заедающая дверь — считайте, я уже пообедал.

— Засчитано по разряду полезного. — Тони обернулся к Зое, всё ещё держась за спинку переднего сиденья. — Кто без двери — тому гречка Зои.

И — пошло. Надя Токарева призналась, что варит щи «такие, что свекор молчал, а это высшая оценка». Усмехнулся, глядя на колеи перед капотом. Так и представил свёкра над тарелкой: рот занят, добавки хочется, придраться некогда.

Жалко, мне сейчас хотя бы до первой ложки добраться.

Марк Левин поправил очки с треснувшей дужкой и отозвался: «Омлет. Больше ничего. Но омлет — безупречный».

Лев Сомов готовил плов «по мотивам, потому что оригинал требует настроения, а настроение требует свободы».

Рита Дёмина сказала коротко: «Чай. Разный. Под разное». Инга повернулась к ней через проход: «Мне покрепче. Можно?» Рита кивнула и спросила, какой чай есть дома. Тони начал перечислять, сбился на третьем и пообещал предъявить кухню целиком.

Вера Лукина думала дольше всех. Подтянула на коленях свёрнутую куртку и выдала: «Суп из ничего. Умею блестяще. Это самый нужный суп на свете».

Сева молчал. Тони не торопил; с переднего места мне тоже хотелось подсказать хоть что-нибудь про еду, но прикусил язык. Сева сегодня уже наслушался подсказок. И тогда он сказал:

— Я не помню, умею ли готовить. Но я сегодня понял, что умею выбирать. Это тоже навык.

— Записано в бортовой журнал, — сказал Тони. — Лично я готовить вообще не умею, так что ты меня уже обошёл.

— Тогда гречку, — Сева повернулся к Зое. — Можно мне с луком?

— Можно. — Зоя повернулась к нему, придерживая сиденье на кочке. — Я себе тоже с луком.

Сева кивнул, и сзади опять заговорили. От разговора про

еду уже сводило пустой живот; жареного лука захотелось так, что дорога домой сразу стала длиннее.

Борис хмыкнул, держась за руль. Я смотрел на дорогу, слушая, как сзади спорят о гречке. Кирилл уточнил, сколько у нас заедающих дверей, и Тони попросил начать с кухонной. Хорошо, что он заговорил первым. Мне после борьбы всё ещё хватало воздуха только на короткие ответы.

Наш терминал показался издалека. Уже приготовился терпеть последний поворот с его колеями — дома, наконец-то. Потом разглядел полузакрытые ворота. Стиснул зубы: ещё и здесь придётся объясняться, прежде чем доберёмся до кухни.

Ворота стояли полузакрытыми, и возле них дежурил Фёдор, наш дежурный со смены, — мужик надёжный в плотницком и панический в человеческом. Рядом с ним топталось ещё человек шесть жителей, и по тому, как они сбились в кучку, было ясно: новости прибыли раньше нас. Конвойный транс по дороге — штука громкая, слухи расползаются от него быстрее выхлопа.

— Не открывать! — Фёдор увидел автобус и пошёл навстречу, выставив ладонь. — Дим, ты меня слышишь? Говорят — нулевых везёшь. Говорят — они после конвоя как гранаты без чеки. Закроем ворота, вызовем наряд, пусть их забирают и разбираются по форме!

Автобус остановился. Вышел медленно, придерживая полуортез у груди левым предплечьем. Девять пар глаз смотре-

ли из окон. Шесть пар — от ворот. Поставил ногу на землю и остановился: Фёдор загородил проезд. Мог приказать ему отойти — утром хватило приказов. Здесь мне нужны были открытые ворота и дежурный, который потом останется возле девяти живых людей.

— Фёдор. Подойди. Один.

Он подошёл. Кучка за его спиной осталась на месте, но напрягла уши.

— Смотри мою правую руку, — сказал я. — Видишь ортез? Я сегодня этими рёбрами платил за то, чтобы эти девять человек ехали сюда, а не туда. Теперь смотри в автобус. У кого-нибудь красный конвойный свет? Подойди и проверь каждого. Код конвоя на воротах, код конвоя на запястьях — проверь.

Фёдор подошёл к дверце, потянулся к поручню и остановился. Инга спустилась на ступеньку: «Я с тобой. По одному, без толкотни». Он кивнул и обошёл автобус. Заглянул в глаза Севе, который не отвёл взгляда. Надя сама закатала рукав и показала руку: чисто. Фёдор вернулся, поглядывая на Надину руку. Поправил собственный рукав и обернулся к соседям, ждавшим у створки. Теперь красный свет ему надо было либо назвать, либо признать, что его нет.

— Света нет, — признал он. — Но, Дим, люди боятся. Мне соседка под плётку не подписывалась.

— Поэтому слушай, что мы сделаем, — сказал я. И повернулся не к нему, а ко всем, к кучке, к окнам термина-

ла, за которыми тоже стояли. — Первое. Наше оружие — всё, с чем мы ходили на перехват, — сейчас сдаём в оружейную, в запертую оружейную, включая моё. Конвойные стволы уже у наряда, по описи. Через час туда может заглянуть любой из вас, вместе со мной, пересчитать. Второе. Инга сейчас проводит девяти медосмотр, каждого отдельно, с согласия. Дежурный у двери принимает её отметку о завершении, тела выставлять на обозрение никто не будет. Третье. Никто из девяти не заперт. — Повернулся к окнам автобуса, чтобы слышали и там. — Двери жилой комнаты — открытые. Любой из них может выйти в общий двор, предупредив дежурного, а любой из вас может подойти и позвать помощь — телефон на стене, номер наряда я сам повешу рядом, крупно. Четвёртое. Размещение — добровольное. Каждому дам письменную памятку: где что, кто дежурный, как позвать. Под подпись — не о подчинении, а о том, что человек прочитал и выбрал.

— А если кто из них ночью... — начал кто-то из кучки.

— Если ночью что-то пойдёт не так — наряд приедет по тому самому телефону, — повернулся к тому, кто спросил; он стоял у Фёдора за плечом. — И приедет он к любому, кто нарушит, — хоть к нулевому, хоть к тебе. Одно правило для всех. Это и есть разница между домом и конвоем. В конвое правила для них. Дома — для всех.

Фёдор посмотрел на меня, на автобус, на своё отражение в стекле — и отступил от створки ворот, толкнув её плечом

наружу.

— Гречку с луком, — сказал он ни к кому. — Слышал я, что Зоя готовит. Раз готовит — я, так и быть, открою.

— Фёдор, — сказал Тони с заднего ряда, — это было почти гостеприимно. Ещё чуть-чуть — и была бы улыбка.

— Не дави, — буркнул Фёдор. Но створку держал.

Тони спустился с пакетом документов и передал реестр подошедшей Кате. Она сверила девять строк, убрала планшет под локоть и раскрыла бумагу с пометками о согласии. Теперь, если снова потребуют приказ, предъявлять будет что.

И тут у КПП остановилась серая машина. На боковом стекле — пропуск, у пассажира на коленях — казённая папка. Человек в хорошем пальто с плохим лицом вышел, минуя Фёдора, и сразу посмотрел поверх моего плеча в автобус. От такого взгляда опять захотелось закрыть дверцу. Представитель Реестра: открыл папку, и я увидел ведомственный бланк с печатью. Ну конечно. Ворота только что отстояли — теперь отстаивать людей.

Глава 3

— Пырьев, — сказал он без приветствия. — У меня приказ нового образца о немедленном изъятии девяти лиц, перемещённых вне установленного порядка. Транспортный реестр зафиксирован, передача сил охраны учтена. Вы отдаёте девятерых — или я фиксирую укрывательство.

— Давайте по-рабочему, — сказал я. — Вы читали реестр?

— Читал.

— Тогда вы видели графу «имя». Что там написано?

Он прищурился и ещё раз глянул в реестр, прежде чем ответить:

— Имена. Выбранные, с пометкой о согласии.

— Согласие — чьё?

— Перевозимых.

— Вот. — Я положил реестр на капот его же машины. — Теперь смотрите внимательно, где у вас в бланке графа «полная биография». Есть? Есть. А теперь смотрите на людей. Вон стоит Надя Токарева. У неё нет справки о первом классе. Нет трудовой с 1998-го. Бланк требует прошлого — а прошлого у неё в бумагах нет. И вы сейчас скажете: человек без заполненного поля «прошрое» — не человек, а прецедент, и надо вернуть его туда, где это поле заполняют. Я говорю: есть разница между «нет поля» и «нет человека». По-

ле пустое. Человек — вот он, стоит, дышит, выбрал себе имя и согласился на перевозку — что и зафиксировано. Вы не можете вернуть бланк в конвой за то, что бланк не знает детства. Бланк вообще ничего не знает. Всё, что бланк знает, — сегодняшний день. И сегодняшний день говорит: девять человек, добровольно, по согласию, доставлены в место, где им не угрожает ничего, кроме гречки Зои.

Аудитор задержал взгляд на мне, потом опустил его на реестр. Кончиком пальца придержал лист на капоте.

— Проверка досмотра, — сказал он. — Вы перевозили лиц через пост без досмотра. Это процедура.

— Проверяйте, — сказал я ровно. — Только сначала ответьте, что именно вы хотите досмотреть. Мне до сих пор не сообщили ни одного факта правонарушения ни одним из девяти. Ни одного. Вы требуете людей не за поступки, а за отсутствие бумаг о прошлом. В вашем же ведомственном уставе — я читал, вы не сомневайтесь, у меня бессонница и доступ к Кате, — возврат оформляется при угрозе или вине. Укажите угрозу или вину. Поимённо.

Он медлил с ответом. Пока он не вернулся к досмотру, я подтянул к себе реестр и продолжил:

— Тогда так. Катерина ведёт протокол. Фиксируется: нынешняя, подтверждённая личность — девять человек, имена выбраны ими, согласие на перевозку зафиксировано транспортным реестром. Свидетели — независимые: дежурный терминала Фёдор, — Фёдор за моей спиной выпрямился, как

на параде, — и старший встречного наряда при станции, он подтвердит передачу охраны по описи. Никто не сочиняет никому детство. Не я, не Катя, не вы. Прошлого поля нет. Есть поле «сегодня», и оно заполнено по всей форме.

Катя уже стояла рядом с планшетом. На экране было набрано его первое требование, а под ним — наш разговор. Она перенесла имена в отдельную графу и развернула планшет к аудитору: всё записано, можно сверять.

Аудитор молчал, сверяя графы на планшете с реестром. Угрозы он так и не назвал, но ручку оставил в кармане. Умный, зараза, не чета прошлым. Я положил перед ним последний лист:

— И предложение, которое вам понравится своей скучностью. Свидетельское размещение. Девять человек остаются здесь как свидетели перехвата — их показания понадобятся и вам, и наряду, и Аудиту. Проживание — под моим поручительством, с правом проверки в любой момент. Сейчас отмена именно этого приказа об изъятии и сутки защиты до пересмотра. Дальнейшие ограниченные сроки и пятидневные сверки утверждаем отдельно при пересмотре. Вы получаете не бунт, а управляемый процесс с бумагой на выходе. Я получаю живых людей. Все получают обед.

— Обед у вас что? — спросил он неожиданно. Палец по-прежнему придерживал лист, но теперь аудитор смотрел на меня.

— Гречка с луком, — сказал я. — И суп из ничего. Второе

— фирменное.

Он посмотрел на девятерых — они стояли уже за моей спиной. Надя шагнула поближе, чтобы видеть лист на капоте, остальные ждали его решения вместе с нами. Аудитор достал ручку.

Подпись у него была мелкая, злая и абсолютно законная. «Приказ о немедленном изъятии... отменить. Срок защитного размещения — сутки 33–34, до официального пересмотра. Дальнейший ограниченный порядок — на пересмотре, с пятидневными свертками». Статус оставался, амнистии никто не дал. Завтра снова стоять перед ними с бумагами, доказывать, отбиваться. Но сегодня этот лист отменял возврат в конвой. Проверил срок: сутки 33–34. Девять человек успеют поесть, выспаться дома, а до завтрашнего пересмотра я успею подготовиться. Я держал лист за край левой рукой, пока чернила подсыхали, и проверял ещё раз: подпись есть, отмена есть, девять человек остаются дома.

— Завтра пересмотр, Пырьев, — сказал он, садясь в машину. — Не опоздайте.

— Мы люди домашние, — сказал Тони. — Мы и на собственную свадьбу за сутки приезжаем.

Серая машина уехала. Фёдор наконец выдохнул и отпустил створку: всё это время держал её плечом.

Сначала сдали оружие Акиму, как я обещал у ворот. Пику поставил к стойке левой рукой и дождался, пока он впишет её в опись вместе с оружием остальных и запрет оружейную.

До обеда я едва успевал переходить из комнаты во двор и обратно: то звали подписать, то спрашивали, где взять чистое.

Инга проводила медосмотр за ширмой с согласия каждого, а Стёпа Провод простоял у двери. На момент осмотра активного транса не было; это не отменяло утреннего срыва. Недосып, ссадины и голод требовали ухода и спокойного режима.

Из Надиной комнаты доносился скрип двери: ей досталась заедающая створка, и через час она воевала с ней вместе с Кириллом, и эти двое, судя по звуку, уже успели переругнуться и помириться по всем правилам. Марк сел за перевод письма сестры с Львом Сомовым — Лев переводил вслух, Марк правил, и лист заполнялся двумя почерками. Зоя ушла на кухню и оттуда не выходила, а запахи, которые она оттуда выдавала, делали для приёма «нулевых» больше, чем весь мой монолог у ворот. Рита раздавала чай — «под разное» — и попала так точно, что Вера Лукина заплакала над кружкой, а потом засмеялась над тем, что заплакала. Олег Мартынов сел за учёт вещей — каждая вещь девяти, от левой обуви до куртки Зои, вписана в тетрадь его рукой, потому что, сказал он, «человек начинается с того, что у него есть свой носок, который никто не отберёт, потому что он записан».

Артур Ким долго шёл через двор к Кириллу, дважды останавливался. Я вспомнил его погибшего брата: тоже Кирилл. Сазонов ждал во дворе, и Артур, глядя на него, всё никак не

решался подойти. Артур остановился в трёх шагах. Посмотрел. И сказал:

— Ты не он.

— Я не он, — согласился Кирилл. — Я — я. Но замок тебе починю, если заело.

— Заело, — сказал Артур. — Всё заело.

— Значит, с этого и начнём, — сказал Кирилл, и они пошли к домику с мастерской, а я остался во дворе. Артур уже придерживал для Кирилла дверь; идти следом они меня не звали.

Лёва Ким, журналист, уже сидел с Катей. Просматривая реестр, он задержался на пометке о согласии, придвинул лист к себе и перечитал её вслух:

— Ты понимаешь, — говорил он Кате, — что «имя выбрано, согласие подтверждено» — это формулировка, которой не было ни в одном ведомственном документе? Ты только что придумала юридический прецедент между гречкой и досмотром.

— Я не придумала детство, — отозвалась Катя, не отрываясь от планшета. — Я зафиксировала сегодня. Сегодня — было. Остальное — не моё сочинение, а их жизнь.

Тем временем отошёл в сторону: два дела оставались для своих. Первое: бумагу со слежкой за материнским домом — физически, из рук в руки, передал Кате, накрыв левой ладонью сверху, чтобы она поняла без слов: это не для протокола, это для Архива. Второе: вышел на парный канал внут-

ренного поста, где держали защищённую комнату матери. Не фонарь, не жест — штатная пара, короткий код. Ответ пришёл не сразу — а когда пришёл, за ним стояли Василиса и Аким: след по дому сверен, пост наблюдения на дальнем рубеже пересчитан, ихний, свежий, один, без попытки входа. Решение защиты было коротким и без единого адреса в эфире: рубеж усилен, подходы перекрыты на подступах, мать — Нина Ивановна — жива, спокойна, пьёт чай с Симой, смены живые, стопор изнутри на месте, чайник в рабочем состоянии, и это не шутка, это отчёт. «Скажешь, — передала Василиса, — что соседи зачастили». Усмехнулся. Мать на эти наши предосторожности тоже сказала бы: соседи зачастили. Даже голос её вспомнился. Женщины.

Перед обедом Борис официально передал ящик Жене под опись, и Женя читал её так, как другие читают стихи, — с выражением.

— Секторальный, целый, питание отдельно, четыре болта сохранены, — бормотал он. — Борис, ты понимаешь, что ты привёз? Это же не трофей. Это справочник. Это учебник того, как они нас молчали.

— Он мне всю дорогу снился, — сказал Борис. — Всю дорогу я на нём сидел, и всю дорогу он молчал. Я начинал уважать его чуть меньше, чем себя.

Тест решили делать на разграниченной площадке за дальним складом — с Катей, Женей, Смолой, Адиной меткой на контрольной площадке и полным недопуском лишних. Ада

поставила устойчивую физическую метку, сверив положение по своей дощечке, — и я положил левую ладонь на контрольный контакт глушителя. Наружный, штатный, контрольный — без активации, без списания, просто разговор индикаторов с прибором. Три секунды, не больше.

Индикаторы Жени ожили. Контрольная лампа на пульте горела ровно, механический колокол на тресе отзывался на проверку, по-будничному. Счётчик — ноль. Я не тянул, не пробовал, не звал эхо. Четыре из двенадцати оставались холодными; ни одного импульса тесту не отдал.

— Смотри, — говорил Женя Смоле, вода отвёрткой вдоль контура. — Радиус действия — секторальный, ограниченный. Он глушит контактный узел. Он не глушит мир. Он не глушит биографию, не глушит обычную память — вот запись, вот колокол, вот Сима пьёт чай — всё живо. Он подавляет подготовленный контакт внутри ограниченного сектора. Понимаешь, чем это грозит Ланскому?

— Понимаю, — сказал Смола. Он перестал улыбаться и наклонился над контуром рядом с Жениной отвёрткой. — Мы видели его узел. Если наша коробка подавит такую метку... Пока догадка, но проверить стоит.

— ...его штука скажет «прошу повторить» и замолчит, — закончил Женя. — Не навсегда. Не победа. Но в нужный час — тишина на его частоте.

— Тишина на его частоте, — повторил Смола с удовольствием. — Красиво. Я бы это на кружку вышил, если б умел

вышивать.

— Ты умеешь, — Женя отвёл отвёртку от контура и взглянул на Смолу. — Я видел твою рукавицу.

— Рукавицу знакомая вышивала. Я только носил.

Я стоял рядом и следил за индикаторами: порог оставался в зелёном. Женя повернул отвёртку, показывая нужный участок контура. Вот он, настоящий трофей. Теперь было чем проверить догадку о контактном узле Ланского. Сначала проверка — потом выберем, где применить.

Гриша приехал после обеда. Получил уведомление — и примчался. Я ждал его: Сева уже здесь, а Гриша пока знал об этом только из уведомления. Теперь Гриша шёл через наш двор, а мне хотелось поскорее подвести его к Севе — и страшно было торопить.

Подвёл Гришу к Севе и остановил в двух шагах. Сам тоже остался на месте: Сева видит его, если захочет — подойдёт. Вести его за рукав обратно в мастерскую я не собирался. Гриша приехал к человеку, а не за возвращённым имуществом.

Сева смотрел на него долго. Потом сказал:

— Изолента на моём рукаве — твоя. Я помню руку, которая её наматывала. Я помню мастерскую — не всю, кусочками: запах масла, верстак у окна, ты ругал молоток. Я не помню себя всего. И я не вернусь «обратно» — потому что не знаю, куда это обратно. Я хочу прийти заново. Сам. Через дверь, а не через опись.

Гриша стоял, приоткрыв рот. Потянулся к Севину рукаву, но остановился, так и не коснувшись изоленты. Сева ждал ответа.

— Через дверь, — сказал он наконец, и голос у него сел. Гриша опустил руку, так и не тронув Севин рукав. — Дверь, сам знаешь, заедает.

— Мне сказали, тут есть Кирилл, — сказал Сева серьёзно, и Гриша засмеялся — некрасиво, со всхлипом, но засмеялся.

А потом Сева повернулся ко мне. Оглядел стол, провёл пальцем по его краю и спросил уже без прежних долгих пауз:

— Тетрадь, — сказал он. — Дай мне тетрадь. Я буду вести дневник. Не воспоминания — они обрывками. Факты. Сегодняшние: дата, что было, кто что сказал, твой знак — нарисую рукой, чтобы не соврать. И — сигнал. Мне нужен безопасный ночной сигнал, свой. Знак Димы я уже знаю — ладонь к полу, «стоп, я рядом». Но мне нужен ещё один — на ночь. Такой, чтобы я не путал своих со стаей, когда проснусь в темноте и не пойму, где я.

Я посмотрел на Аду. Ада посмотрела на меня.

— Сегодня оставим открытые двери и дежурного, который сначала покажет ладонь и назовёт себя. Отдельный ночной сигнал повторим с тобой завтра, спокойно, чтобы ты сам проверил его.

— Завтра повторим, — согласился Сева. — А сегодня пусть сначала назовёт себя. Я спрошу, если не узнаю.

Он сел в углу жилой комнаты — дверь настежь, как и обе-

щано, — раскрыл тетрадь и начал писать. Медленно, выводя: «День тридцать третий. Я — Сева. Сегодня я подтвердил своё имя, и его не отобрали...»

Вечером Женя принёс то, что я ждал и побаивался: запись. Исходная локальная запись переговорной комнаты, сохранённая у Артура, вчерашняя стычка с Ланским — тот день, четыре холодных импульса, рёбра, которые до сих пор помнят. Мы поставили экран в маленькой комнате, и Сева попросился первым — он сказал: «Я хочу посмотреть, где я был, пока меня не было».

Запись шла при комнатном свете, с исходным временем в углу. На экране — стол, Ада с журналом и я. При просмотре снова заняли рёбра: хорошо помнил, чем кончилась эта стычка. И вот на записи Ланской — спиной, вполоборота — положил правую руку на край стола. Большой палец прижался к дереву на секунду, потом рука вернулась на колено. То самое прикосновение, которое я заметил вчера в переговорной.

Сева подался к экрану.

— Стоп. Верните. Верните обратно.

Женя отмотал. Сева смотрел на жест, придвинувшись к экрану. Когда большой палец Ланского снова прижался к столу, Сева вздрогнул и сам прижал пальцем край сиденья.

— Это реактивный сигнал, — сказал он глухо. — Конвойный. Текущий, действующий — им подадут команду «держаться, не давать говорить». Я его знаю. Я его знаю так, как

рука знает, что горячо, — без слов, без истории, телом. Он живёт во мне с конвоя. Но откуда он во мне — я не знаю. Я не знаю, кто меня ему научил.

В комнате стало тихо. Лёва Ким перестал писать. Катя медленно подняла глаза от планшета.

— То есть, — перевёл взгляд с экрана на Севу, сидевшего у самого стола, — жест совпадает с нынешней конвойной командой. Кто и когда научил тебя ему, мы ещё не знаем.

— Да, — сказал Сева. — Жест знаком. А откуда — не скажу. Не помню.

— Значит, след, — смотрел на его большой палец, всё ещё прижатый к сиденью. — Не биография. След. Настоящий, первый. Жест, который связывает тебя с тем, кто подавал его раньше — и, может, с теми, кто его получал. Его можно искать. Проверять по архивам, по людям, по датам.

— Медленно, — сказала Катя, остановив пальцы над планшетом.

— Честно, — сказал Сева. Он посмотрел на неё и отнял большой палец от края сиденья.

Мы ещё посидели — все, и девять, и свои, и Гриша, который так и не ушёл, а пересел поближе к Севе и молчал рядом. Когда Сева отодвигал кружку, Гриша придерживал блюдце, чтобы оно не стукнуло по столу. Зоя принесла гречку — с луком, не сгоревшим. Рита разлила чай «под разное», и под сегодняшнее «разное» подошёл чай с дымом, который она, по её словам, берегла «для дня, когда будет что запомнить».

Я держал кружку левой рукой, стараясь не давить ручкой на ушибленную ладонь. Правая лежала в полуортезе. Пил понемногу и считал. Девять живых, накормленных, записанных ими самими. Глушитель — целый, под описью, с нулём на счётчике. Реестр — с пометкой, которую не смог отыграть назад даже человек с плохим лицом в хорошем пальто. Подписанная отмена приказа, завтра официальный пересмотр и ни одного возврата позади. Дом — целый, без энергетических узлов, зато с чайником у матери, с живыми сменами и с усиленным рубежом. Мать жива. Сима жива. Смола — на крыше уже не нужен, но всё равно где-то там, потому что такой уж человек. Рёбра болят. Эхо молчит. Порог держится.

Вместо кузова — стол с гречкой, вместо конвойной команды — Ритин чай. За это я сегодня и выторговывал каждую строку. На завтра подписи могло не хватить. Сейчас девять человек сидели с нами, и за кружкой наконец можно было перестать готовиться к следующему удару.

— Дим, — Тони наклонился ко мне через стол, заглянув в лицо, — ты чего улыбнулся?

— Считал, — придержал кружку за ручку, чтобы не съехала с блюдца.

— И много насчитал?

— Всё, — сказал я. — Всё на месте.

— Опасно ты считаешь, — Тони откинулся на своём стуле, продолжая смотреть на меня. — Так и зажить недолго.

— Постараюсь, — сказал я и допил чай.

За окном темнел день тридцать третий. Впереди была сверка, была тетрадь Севы, был жест Ланского, совпавший с нынешней конвойной командой, — всё это завтра. Сегодня было всё.

И сегодня было — наше.

Глава 4

Ночь после тридцать третьего дня перевалила за середину. Проснувшись, прислушался: ни скрипа половиц, ни кашля в дальнем коридоре. Обычно кто-нибудь шёл за водой или ворочался за стеной. Сейчас слышал собственное дыхание и ждал следующего звука.

Сел на койке, сдвигая одеяло левой. Правая рука в полупортезе лежала поверх одеяла — три штифта, два немых пальца. Прежде чем встать, пришлось убрать её с края койки: забыть спросонья про штифты было проще простого, а отвечать за это потом мне. Левая отзывалась ушибом на любое неловкое движение, рёбра ныли на вдохе. Ноги — ноги были целые, и это было моё главное имущество.

В коридоре у оружейной кто-то дышал. Часто, мелко, на грани срыва.

Вышел босиком; доски холодили ступни. У поворота стояла Рита Дёмина — я узнал её раньше, чем она меня, потому что смотрела она не на меня. Она смотрела вверх, на плафон под потолком, который Аким вечером повесил с аккуратной заботой: контролируемый, ровный, направленный свет, чтобы в коридоре у оружейной всегда было видно. Мы сами выбирали, как охранять дом, после решения тридцать третьего дня. И вот Рита стояла под нашей лампой, сжав рубашку в кулаке, и задыхалась.

А свет ложился сверху вниз, ровным конусом, с мягкой границей.

— Не двигайся, — Рита стиснула край рубашки ещё крепче, глядя мимо меня. — Не двигайся. Это не то. Это не то, слышишь?

— Рита, — позвал вполголоса от поворота, оставляя ей весь проход. — Это лампа. Обычная лампа. Она висит на крюке, видишь крюк?

— Он читает список, — она вскинула подбородок к лампе. — Под таким светом читают список. По фамилиям. И потом выводят.

В первой линии после конвоя я тоже вздрагивал от дверного скрипа. Знал, где нахожусь, узнавал комнату — и всё равно ждал шагов. Отпускало, когда удавалось взяться за дело: открыть дверь самому, переставить стул. Рита сейчас даже на меня взглянуть не могла. Начнём с лампы.

Выключатель на щитке висел высоко. Вытянув левую, прикинул расстояние и опустил руку: с пола не достану. У стены стоял табурет. Подвинуть его ногой и встать я мог; на правую опираться даже не собирался.

— Рита, я сейчас встану на табурет и выключу эту лампу. Вообще выключу. Не приглушу — выключу. Хорошо?

Она коротко кивнула, продолжая смотреть на плафон. При каждом моём движении её плечи поднимались; прежде чем двинуть табурет, я ещё раз предупредил: «Сейчас». Так она хотя бы знала, откуда будет звук.

Встал на табурет, переждал боль под рёбрами и потянулся левой к щитку. Правая оставалась прижатой к телу. Щёлкнул выключатель — пятно на полу исчезло.

Под дверями остались полосы света, из тупика светило окно. Зоя высунулась из комнаты; за ней показались Лев Сомов и сонный Кир Сазонов с полотенцем на шее. Теперь Рита могла смотреть на них, опустив голову. Кирилл спросонья протёр лицо полотенцем и уставился на меня, стоящего на табурете. Я наконец выдохнул: вот уж на конвойного я сейчас мало похож. Лев придержал Зоиную дверь, давая свету из комнаты падать в проход. Рита обернулась к нему и разжала кулак.

— Вот, — спустился с табурета по одной ноге, придерживая его левой за сиденье. — Свет ниже лица. Всегда. Если ночью надо кого-то разбудить — лампу с уровня лица, не сверху. Это теперь правило.

— Записываю, — сказал за моей спиной Сева.

Он стоял с тетрадью — своей тетрадью сегодняшних фактов, которую вёл с первого дня, аккуратно, как вахтенный журнал. Он записывал время, имена, что случилось; когда сомневался, возвращался к предыдущей странице и сверял. Ждал, пока он допишет: торопить человека с его собственной тетрадью точно не стоило.

— «Тридцать третья ночь, — продиктовал он сам себе. — Свет сверху в ночном коридоре — запрещён. Причина: ассоциация». Он посмотрел на Риту. — Можно твою фамилию?

— Можно, — сказала Рита. Она уже дышала ровнее. Свет стал другим, рядом стояли люди, и Рита понемногу отпускала край своей рубашки.

Из оружейной выглянулся Аким — он спал рядом с ней, комната при дежурстве. Он посмотрел на выключенный плафон, на табурет, потом на Риту. Вопросов задавать не стал — отодвинулся от двери, освобождая ей проход.

— Патроны у меня под замком, — сказал он. — Людей я не запираю. — Он показал руки: ладони наружу. — Рита, дверь оружейной не заперта на людей. Она заперта на железо. Ты можешь выйти из этого коридора в любую секунду, в любую сторону. Это не то место. Здесь не бывает «потом выводят».

— Мы в защищённой комнате держим двоих, — тихо сказала Зоя Котова, — и даже там дверь открывается изнутри.

— Это внутренний стопор, — кивнул Аким. — Запереть нельзя. Усиленный рубеж держит вход снаружи, а изнутри — стопор. Люди запирают железо, а не людей.

Рита усмехнулась — криво, но живо:

— У вас даже на слова инженерские.

— У нас Дима два дня формулировал, — сказал Аким. — Пришлось выучить.

Ждал, что сейчас все вернутся в комнаты. Но Лев остался у стены, Вера вышла следом за Зоей. Рита оглядела проход и шагнула ближе к нам. Раз уж стоим, можно договориться, что делать в следующую такую ночь.

— Ночной сигнал, — сказал я. — Сева, днём договорились отложить до завтра. Попробуем сейчас, раз уж собрались?

Сева оглядел Риту, потом меня и кивнул:

— Попробуем. Я сам скажу, если хватит.

Дождался его взгляда и показал открытую ладонь.

— Свет ниже лица, два прикосновения — только с согласия, ладонь или стоп — и всё прекращается сразу. Не «потерпи», а сразу. Надо всем.

— Это что, тренировка? — Лев Сомов потёр лицо. — Ночью?

— Это не тренировка, — прочёл Сева с Адиной дощечки. Она подошла незаметно, в накинутом пальто, с дощечкой под мышкой. — Это язык. Чтобы в темноте никто никого не пугал и никто никому не навредил, если кому-то приснится худшее.

— Раз уж все равно никто не спит, — сказал Сева, закрывая тетрадь, — то я заявляю: я хочу спарринг.

— Ты хочешь спать, — сказала Вера Лукина.

— Я хочу спарринг, — упрямо повторил Сева. — Ногами и дистанцией. Дима мне обещал безопасный вариант. Ноги у него целые, это знает каждый, кто получал.

— Никто не получал, — сказал я.

— Все слышали.

Спарринговать с Севой — отдельное удовольствие. Он двигался с той скованностью человека, который когда-то

умел, потом разучился, потом учится заново, и на середине этого пути боится не противника, а себя. Поэтому правила были жёсткие и смешные одновременно: только ноги, только дистанция, никаких сближений, никакого силового — моя правая с тремя штифтами в любом контакте была бы не оружием, а расходом, а левая и ушибленная не подарок.

— Правило первое, — сказал я, вставая в шаг от него. — Ты сам себя останавливаешь. Сам. Без моей команды.

— Правило второе, — сказал Сева, — я сам останавливаю тебя. Потому что иногда тебе нужно, чтобы кто-то сказал стоп.

— Иногда, — согласился я. Правую оставил на перевязи, ладонью левой обозначил границу шага.

Он пошёл — осторожно, с передышками, низко обозначая финты, по-настоящему хорошие по замыслу и вороватые по исполнению. Я работал ногами: рёбра разрешали, если не скручиваться. Дважды обозначил подсечку и остановился за ладонь до его ноги; Сева переступил на маты, которые Зоя и Кирилл притащили из комнаты отдыха. В третий раз он заметил мой шаг раньше, вытянул ладонь между нами — и мы оба замерли.

— Стоп? — спросил он.

— Стоп, — сказал я. — Твой балл.

Он сразу опустил ладонь и отступил, освобождая мне место. Я тоже выпрямился. Сева посмотрел сначала на мои ноги, потом в лицо: остановились оба, как договорились, и ни-

кто не требовал продолжать. Он отдышался и потянулся за тетрадью.

— Записываю, — сказал Сева, тяжело дыша. — «Ночь тридцать три. Спарринг состоялся. Счёт... какой счёт?»

— Три — один, — сказала Вера.

— В чью пользу?

Ада подняла дощечку: «Обоих». Стёпа прочёл и усмехнулся.

Потом был чай. Он всегда бывает потом. Кир Сазонов взялся заваривать и поссорился с Марком Левиным о времени настаивания — «пять минут» против «пока не станет цвета старого паркета», — и этот спор, глупый, домашний, совершенно ни о чём, делал со страхом то, чего не делали ни свет, ни правила, ни спарринг: вытеснял его. Рита уже прислушивалась к их спору. Когда Кирилл потянулся к заварнику, она сама придержала крышку, чтобы та не упала. Подвинул ей кружку: чай можно было пить, а паркет пока оставить в покое.

— Дежурства, — прочёл Стёпа, когда Ада показала ему дощечку над разлитым чаем. — Ночь показала: у нас нет ночного порядка. Давайте выберем. Добровольно. И право отдыхать — тоже выбранное, не назначенное.

Дежурства на следующую ночь выбирали с серьёзностью парламента. Зоя взяла коридор до полуночи, Лев — после, Вера вызвалась на кухню и утренний пересчёт аптек, Марк — на окна («я всё равно сплю сидя»). Рита молчала, потом

сказала:

— Я возьму свет. Буду следить, чтобы ни одна лампа сверху... — она не договорила. — Буду следить за светом.

Сева подвёл её имя к графе «свет». Рита проследила за карандашом и кивнула. Я оставил кружку у её локтя и дал им дописать список: она сама выбрала, как теперь обходиться с лампами.

Сева записал всё, закрыл тетрадь, потом открыл снова и показал мне страницу, где крупно, с подчёркиванием: «Жест Ланского — большой палец. Показан на записи переговорной комнаты. Откуда жест — неизвестно». Он смотрел на меня вопросительно. Я покачал головой. Не знаю. И это «не знаю» было правдой — прикосновение я заметил ещё в самой комнате, до удара. На записи Сева узнал знакомый ему конвойный жест, где Ланской контактно остановил летящую пику в заранее отмеченном секторе, а разбитый стол добил узел, а потом он бросил меня на колонну — и я до сих пор не понимал до конца, как это сделано. Предел отмеченного сектора мы уже обсудили со Смолой; происхождение конвойной команды ещё предстояло проверить.

Ада повернула дощечку ко мне: «Утром добиваемся нового разрешения. На пять дней». Стёпа прочёл, щурясь после сна: «Отсрочка не отменяет старую просрочку, но подписанное решение тридцать три держит защиту до официального пересмотра. Пересмотр — завтра. То есть уже сегодня». Ада взглянула в окно, где серело, и дописала: «Днём».

— Днём, — согласился я. — Не ночью. Ночь для чая и дежурств.

Ушёл я последним, часа в четыре. Проходя коридором — уже без верхнего света, только тёплые полосы из-под дверей, — я услышал у оружейной голос.

Аким стоял в проёме. Напротив него — человек. Не из наших девяти; лицо смутно знакомое, из тех, кто днём таскал ящики во дворе и кого Аким записал во «временные, под присмотр». Я остановился в тени тупика. Правая рука — ортез, груз, не оружие. Левая — ушиб. Ноги — целые.

Человек что-то говорил, негромко, убаюкивающе. И потом произнёс фразу.

Он произнёс её слишком точно. Не «встань к стене», не «не двигайся» — а формулу, слово в слово, с тем самым ритмом и теми самыми паузами, с какой конвойные команды отдаются при переводе. Так не говорят случайно. Так говорят те, кто отдавал её десятки раз, или те, кто заучивал.

Аким сделал полшага вбок, перекрывая дверь оружейной, и человек потянулся — не к Акиму. К поясу. К тому, что у него было под курткой у пояса, и рука пошла туда движением тренированным, коротким, без замаха.

Дальше я не думал. Ноги у меня были целые.

Я вошёл слева от него, левым предплечьем — не ударом, ушиб не позволяет, а жёсткой накладкой — сбивая линию его руки от оружия в сторону, одновременно шагом подсекая опору. Он был тяжёлый и готовый, он развернулся на мне, и я

успел увидеть лицо Акима вплотную — спокойное до жути.

— Патроны под замком, — сказал Аким кому-то, может, нам обоим, а может, себе. — А люди — нет.

Человек рванулся к оружейной, к железу, которое Аким берёт вместо людей, и я понял, что за эту дверь ему надо во что бы то ни стало, и мы с Акимом пошли на него вдвоём — я ногами и корпусом, Аким хватом, — и это только началось.

За спиной, в коридоре, щёлкнул выключатель, которого я не трогал, и свет лёг снизу, из рук, с уровня лица — кто-то из наших, Сева или Рита, держал лампу правильно. По правилам, которые мы записали два часа назад.

Странное дело: в середине обезоруживания я успел об этом подумать и порадоваться.

Чужой снова дёрнул руку к поясу, пытаясь сбросить моё предплечье. В ушах ещё стояла конвойная команда — та самая, отлитая в железо интонация, которую я слышал за эти годы столько раз, что она откликается в рёбрах.

Правая рука у меня сейчас — украшение. Два немых пальца в полуортезе, три штифта, никакого хвата. Поэтому я не сделал глупость. Я сделал шаг левой ногой ему под линию тяжести, боковой подсечкой низом голени выбил колено чуть внутрь — не сломать, а свернуть траекторию руки к оружейной в сторону, — и плечом, больным, но живым, толкнул его в разворот.левой ладонью — по запястью, вдоль, гася захват.

Аким оказался рядом через полсекунды. Перехватил за-

пьястье чужого, завернул руку за спину и прижал его к косяку. Я убрал ногу, чтобы Аким мог повернуть задержанного. Руку тот держал крепко, но дальше сустава не выкручивал.

— Свет! — сказал я.

Сева и Рита уже светили снизу, с пола, двумя фонарями. Лучи встретились на лице. Лицо у чужого было рабочее, усталое, никакое. Не фанатик. Человек на смене.

— Стоп, — сказал Сева громко и показал ладонь. Не код, не наш условный жест — просто человеческое «стоп», открытым движением. Он сам выбрал, как его показать. Кивнул ему: чужой тоже видел открытую ладонь. Рита придерживала свой фонарь ниже, чтобы свет не бил задержанному прямо в глаза.

— Имя, — попросил я.

— Игнат, — сказал чужой после паузы. — Приказ был. Оплата почасовая.

— Что за приказ?

— Проследить, кто выходит из этого крыла после десяти. Отметить направление. Всё.

— Бумагу покажешь наружной охране. Не нам, — сказал я. — Аким, веди. Под расписку. И пусть пересчитают патроны при передаче — при нём, при нас, дважды.

Аким повёл. Дверь за ними закрылась, железо щёлкнуло — Аким запирает всё ещё с прошлой ночи, и сегодня снова. Рита опустила фонарь, выдохнула:

— Он же просто... на окладе.

— Поэтому он уйдёт распиской, а не носилками, — сказал я. — Зоя, чай. Рита, свет — верхний не трогаем, как договорились, нижний оставь. Мне и так хорошо.

Ломило рёбра. Я сел, разжал — насколько можно — левую кисть. Правая лежала на коленях штифтами кверху, как выставка.

Сева сел напротив, открыл тетрадь — он с прошлой ночи вёл тетрадь сегодняшних фактов, страницу за страницей, своим ровным почерком.

— Записал, — сказал он. — «Около четырёх утра. Чужой временный, имя Игнат, повторил конвойную команду, потянулся к оружейной. Обезврежен без повреждений. Передан наружной охране под расписку». Верно?

— Добавь: «стоп показан открытым жестом, код не применялся».

Он записал, потом посмотрел на меня поверх страницы:

— Дима. Я хочу в рейд. Тридцать пятого. Ты видел ночью, как я работаю на спарринге.

— Видел. Бесконтактно, в зале, со своими. Рейд — не спарринг. Транс боевой у тебя не проверен, и я не поведу непроверенное в поле, даже если это ты.

— Значит, я дитя на кухне?

— Значит, у тебя сегодня работа важнее. Метки. С Адой.

Он замолчал. Обиделся — я увидел, как подбородок у него дёрнулся. Но не хлопнул дверью, а закрыл тетрадь и сказал:

— Хорошо. Мою смену выберу сам.

— Это честно.

Утром тридцать четвёртого пришла комиссия. Не конвой — комиссия, и это уже была победа, хотя бы потому, что её пришлось ждать в прихожей, пока Аким «проверял печати на железе».

Представитель отмены — сухой человек с папкой, Катя с копиями двух третей журнала, Гриша из городской мастерской — тот самый хранитель Севы до изъятия, с описью неизрасходованного экранированного кофра В17. Фёдор стоял у двери и молчал весомо.

— Решение тридцать три об изъятии отменено, — сухой человек положил лист. — Защита сохраняется до официального пересмотра. Здесь, — второй лист, — новое пятидневное разрешение. Пересмотр — тридцать девятого.

— Понимаю, — сказал я. — Новая подпись — не амнистия старой просрочки. Просрочка старой расписки остаётся.

— Висит, — подтвердил он с уважением человека, которого редко понимают с первого раза. — И это не бессрочность.

— Тогда по порядку. — Я положил на стол транспортный реестр перехвата, подписанную отмену нового изъятия и медотметки Инги по девятерым, — и кивнул Севе.

Сева отодвинул стул и встал с тетрадью в руке. Я успел только кивнуть; он уже развернулся к представителю и начал

говорить.

— Я, Сева, находясь в ясном уме, настоящим подтверждаю: нахожусь здесь добровольно, функции распределяются с моего согласия, страж не требуется. Тетрадь фактов веду лично.

Сухой человек посмотрел на девятерых — все девять стояли и каждый по очереди сказал «добровольно». Надя — про двери и смены, Олег — про инвентарь, Марк — что читает источники, Лев — что переводит, Зоя — кухня, Рита — свет и чай, Вера — медкладовая после сверки с Ингою, Кирилл — замки, Сева — метки.

Представитель сверил транспортный реестр с исходниками, подписал срок «34–39, до следующего пересмотра» и оставил второй экземпляр Кате. Фёдор и городской Гриша подписались свидетелями. Вечерние отчёты и проверка дежурств остались нашими обязательствами.

— Принято, — он закрыл папку и убрал ручку. Девять человек остались дома.

Когда они ушли, я позвал всех к терминалу. Он был субарендованный, чужой, но кассовый остаток в нём лежал скромный и совершенно конкретный: три тысячи восемьсот сорок рублей. Малые операционные деньги. Не ядро, не трофей — наличный остаток.

— Девяти по четыреста, — сказал я. — Первая оплаченная смена. Три шестьсот. Остаток — двести сорок, остаётся в кассе как касса. Все видели цифры?

— Видели, — сказали девять голосов одновременно, что было честнее, чем хором.

Олег раздал — каждому четыреста, под запись в инвентарь, с подписью. Кирилл, получив, тут же проверил замок на ящике для смены — профессиональная привычка. Рита на свои четыреста пообещала «чай не тот, что вчерашний, а хороший». Зоя сказала, что хороший чай без нормальной кухни не бывает, и они пошли спорить до кухни — то есть до победы Зои.

Глава 5

После обеда снова ходил между полигоном и домом. У каждой двери задерживался: кто что успел, нужна ли помощь? Привычка пересчитывать людей осталась, но теперь за дверьми работали, спорили, звали друг друга. Проверю, что все на месте, — и уже тянет заглянуть, что у них получается.

Надя гоняла двери: открывала, закрывала, сверяла смены. Заглянул в её график — расписание поездов, только наших, домашних. Надя следила за мной, пока читал, и к следующей двери пока не шла. Дочитал последнюю смену, вернул ей график и кивнул: годится. Только тогда она пошла проверять дальше. Олег пересчитывал инвентарь трижды и на третьем разе недосчитался одного карабина — который тут же нашёлся в кармане у Льва Сомова. Лев выложил карабин на стол перед Олегом, разгладил пустой карман и пояснил: «Для двери брал». Олег вписал возврат и протянул ему тетрадь. «Для двери и подпиши». Лев вздохнул, но расписался.

Марк сидел с источниками: копии двух третей журнала — у Кати и у Артура, оригинальная треть — у Ады, другая — у Ланского. Он читал медленно, помечал номера строк, различая текст исходника и поздние пометы на полях копий, и говорил: «Это примечание переписчика. В исходную строку его не тащим». Лев рядом переводил выписки — не языки,

а слог: из канцелярита в человеческий. Задержался у них за спиной. Марк постучал карандашом по номеру строки, Лев вернулся к ней в выписке; лишнее слово, перенесённое с поля, зачеркнули оба. Можно было идти дальше — эти сверяли друг друга без меня.

Вера сверила медкладовую с Ингою — перекрёстно, положив обе описи рядом на столе, — и получила ключи под свою подпись. Инга уходя сказала: «Аккуратнее меня будет», — и Вера покраснела от гордости.

У Кирилла задержался возле замков: он смазал, подтянул, повесил свою пломбу на оружейную. Когда пришла смена Смолиной принимать охрану, дождался и передачи под подпись. Кирилл пересчитал патроны ещё раз — счёт сошёлся с ночным, до патрона. Вот теперь мог уйти, не возвращаясь к этой двери с очередным вопросом.

А Сева работал с Адой.

Ада была глухая. Сейчас с Севой она обходилась без голоса — дощечка, мел, жесты; Сева читал её руки, а она читала его губы. Они размечали метки — систему опознавания своих, которую Сева знал пальцами, не памятью: не восстановленную биографию, а навык, который обнаружил в себе только сегодня, когда Ада случайно повела кисть, и он ответил.

Я смотрел издали. Сева показал ей жест — большой палец, короткое движение. Ланской показал его перед тем, как остановить мою пику в отмеченном секторе, — я это видел

на записи и живьём помнил колонну спиной. Но откуда жест — Сева не знал. Он показывал его как вопрос, а не как ответ.

Ада на дощечке написала: «На кадре совпадает. Кто научил — ищем». И добавила: «Сева — быстрый».

Сева прочитал, посмотрел на меня поверх её рук и чуть улыбнулся. Утром он закрывал тетрадь, отвернувшись от меня; сейчас подвинул её так, чтобы мне были видны Адины пометки. Подошёл поближе, и он показал следующую метку. Разговор про рейд мы ещё помнили оба, но работать вместе это уже не мешало.

Вечером городской Гриша вернулся из своей мастерской с двумя учениками. Проверил у новичков базовое: кто держит строй, кто дышит, кто слышит стоп. Вердикт был честный:

— Тридцать пятого — полевой рейд. Для моих учеников. Спасённые пока работают дома. Порог, не геройство. Тридцать пятое, не раньше.

— Согласен, — сказал я. — D-сектор. Обучение сначала. Сева — домашняя роль на рейд, обучение после. Сам выбрал смену с Адой.

Гриша кивнул, потом понизил голос:

— В17 у меня лежит. Экранированный, в описи. Не трогаю.

— Пусть лежит, — сказал я. — К обучающему рейду этот кофр не относится.

Вечером первый отчёт по новому разрешению ушёл, как договаривались, — вечерами и всем. В кассе оставались две-

сти сорок рублей; в тетради Олега напротив девяти выплат стояли подписи. Сел, положив правую на колени, и понемногу размотал бинт с левой. Рёбра ныли при каждом выдохе. Пришлось придержать край бинта коленом, чтобы высвободить кисть.

Сева подсел с тетрадью.

— Записать план на тридцать пятое?

— Записать. Подготовка D-сектора. Рейд — не раньше.

Сева записал дату рейда, затем вернулся к строке о домашних метках. Уточнил у меня, что потребуется подготовить, и оставил под ответом место. Смотрел, как он размечает свою следующую смену: спорил утром, а теперь сам составлял себе работу.

— Дима. Жест с большим пальцем. Я его всё-таки найду. Откуда он.

— Найдёшь, — сказал я. — Только не в одиночку.

Он кивнул и оставил тетрадь открытой между нами. Ещё раз прочёл записанный вопрос про большой палец. Ответа у меня не было; Сева ждал вместе со мной, не требуя придумать его сегодня.

Перед подготовкой рейда Аким снял пломбу с оружейной, сверил опись и выдал мне пику под подпись. Принял её левой. Остальное оружие осталось на стойках; Аким запер дверь и поставил новую пломбу, записав её номер рядом с выдачей.

Утро дня тридцать пятого началось с того, что Гриша —

городской Гриша из мастерской — поставил передо мной на стол два термоса и сказал:

— Долг есть долг, Дима. За ту D-капсулу. Ты обещал обучающий рейд — вот и обучай. Ребята мои, проверенные. Оба сами пришли, оба руками работать умеют.

За его спиной стояли двое. Первый — жилистый, лет двадцати пяти, с рассечённой бровью. Пока Гриша говорил, он смотрел на меня спокойно, переводя взгляд с полуортеза на пику у стены. Мне знаком был такой осмотр: сперва прикинь, с кем пойдёшь, потом спрашивай. Звали его Степан. Второй — моложе, шире в плечах, с непослушным вихром на макушке и громким именем Фрол, что ему самому, судя по лицу, надоело ещё в школе.

— Пика у меня одна, — сказал я. — Старая. Тихонова.

— А им и не нужна пика, — Гриша положил на стол три жетона входа. — Им нужен первый вход, первый приём и первое добивание. Своими руками. Ты ведёшь, страхуешь, не лезешь.

— Я и не собирался лезть, — соврал я, потому что собирался, конечно. Двенадцать лет привычки не выключаются подписанным решением тридцать три.

Севы с нами не было — он дома, с Адой, при тетради сегодняшних фактов. Но метки его были: вечером он и Ада разложили на столе схему разрешённого учебного D-сектора, и Ада — глухая — писала на дощечке своим округлым, аккуратным почерком: «ВТОРОЙ КОРИДОР — МЕТКИ НА

ЛЕВОЙ СТЕНЕ, ПО ДВЕ ЧЕРТЫ ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ШАГОВ». Ниже Сева приписал своей, угловатой: «Трафареты проверены при отправке. Ставить самим, после осмотра».

Развернул карту, начерченную вчера левой по памяти прежних рейдов. Старое знание пришлось заново положить на бумагу: ни один лист из первой линии со мной сюда не прыгнул. Степан прижал край термосом, Фрол обвёл карандашом два запасных выхода. Я сверил её с выпиской по текущей обстановке: ход сместился, но геометрия предметного русла — торчащий из прохода хлам, сдвинутые стеллажи, провал в полу — держалась. По ней можно было наметить отход. Всё равно каждый поворот придётся проверить на месте: старая карта ног под нами не сбережёт.

— Инга на внешнем пункте, — сказал я ученикам. — Связь через неё. Дом — под надёжной сменой Смолы, Фёдор и Гриша в свидетелях по режиму. Список полевых: я, вы двое. Гриша ждёт снаружи. Вопросы?

— А если тварь? — Фрол придержал карту возле обведённого им запасного выхода и поднял на меня глаза.

— Тогда скажешь ей «добрый день» и отступаешь по меткам. —левой указал на обведённый выход. — Степан, на входе держишь стеллаж, отсекаешь ей фланг. Только не начинай с удара. Перенеси вес, сбей ей ритм: она привыкла идти толчками. Ломай ритм, а не кости. Фрол, тебе предметное русло. Смотри на карту: видишь узкий карман между стеллажами? Это твоя пика без пики. Заманишь туда толчок —

тварь застрянет плечом. Вот с этого и начнёшь.

— А ваша задача? — Степан посмотрел на мою правую, потом на пику у стены. Термос с края карты так и не убрал.

— Моя задача — стоять с левой пикой и напоминать твари, что я старше и злее.

Фрол хихикнул. Степан — нет. Степан мне уже начал нравиться.

На внешнем пункте Гриша открыл чехол и вручил каждому ученику короткое копьё из мастерской. Степан проверил наконечник, Фрол прошёлся ладонью по древку. Оба расписались в выдаче, оставили термосы и вошли следом за мной.

Сектор встретил нас сухим теплом и запахом остывшего железа. Первый коридор прошли, ставя метки по трафаретам Севы и Ады. Фрол прижимал пластинку к левой стене, Степан отсчитывал двадцать шагов; каждую развилку сначала проверял я. До нашего прихода этих черт на стенах не было. У развилки задержался, сверяя карту с проходами. Прямо — провал в полу; за эти годы его засыпали. Налево узнал второй коридор из прежней линии. Оттуда тянуло прохладой, и я постоял, давая коже остыть после первого прохода. За поворотом просматривались три следующих метра. Дальше придётся смотреть уже оттуда. Прислушался и обозначил вход своей меловой чертой.

— Левее, — сказал я. — Степан — стеллаж. Фрол — карман у изгиба. Я — по центру.

Первая тварь пришла через семь минут. Низкая, широкая,

в ржаво-красных костяных пластинах, она двигалась рывками: толчок — пауза — толчок. Ритм. Предсказуемый, как расписание электричек, если ехать по нему двенадцать лет.

Вышел в центр русла и стукнул нижним концом древка о пол перед следующим толчком твари. Левой удержал пику, давая звуку пройти между стеллажами. Она сбилась, развернулась ко мне, и я повёл её: шаг, перенос, шаг. Ноги у меня здоровые, спасибо им, правая оставалась на перевязи, в полуортезе — никакого хвата и опоры. Ушибленная левая держала пику через боль в рёбрах так, как держала её тысячу раз до всех штифтов, рангов и эхо.

— Фрол! Карман!

Фрол — надо отдать ему должное, вихор не дрогнул — шагнул в проём и хлопнул ладонью по стеллажу. Тварь пошла на звук. Толчок. И — предсказуемый, расписанный, старый как мир толчок — втиснулась в карман и заклинила плечом между стеллажом и изгибом стены.

— Окно! — крикнул, удерживая остриё перед собой. Подался было вперёд, но остался на месте: Фрол уже заносил копьё, Степан упёрся в стеллаж. Стоило мне влезть — оба остались бы за моей спиной. — Степан — фланг, отсекай! Фрол — добивай!

Степан завалил стеллаж на заднюю треть твари, перекрывая ей фланг. Она рванула к выходу, но железо уже легло поперёк задних лап. Фрол бил выданным на входе коротким копьём — коряво, с перепугу, но в уязвимый узел под сочле-

нением, туда, куда указал остриём пики, удерживая древко левой: «Сюда. Три раза». Три раза. Тварь обмякла.

Степан выдохнул так, что слышала, наверное, и Инга на внешнем пункте. Фрол сел прямо на пол, в ржавую пыль, и засмеялся. Сначала давился воздухом, всё ещё глядя на обмякшую тварь; потом выдохнул и рассмеялся громче. Сам завёл её в карман, сам добил — теперь даже с пола подниматься не спешил.

— Вставай, — сказал я. — Вторая цель за изгибом, и она слышала весь концерт.

Вторая была осторожнее. Она не пошла в карман — она пошла стеной, вдоль левой стороны, там, где метки Севы. И тут сработал Степан: он не дрался с ней — он ломал её ритм, переноса вес, переставляя ящик, стуча костяшками то слева, то справа, как я показал на входе. Тварь металась между двумя ритмами, я вёл её пикой по касательным, не тратя ни капли эхо — четыре холодных из двенадцати так и остались нетронутыми, — и в какой-то момент она сделала то, что делают все: толкнулась в единственный открытый проход.

Проход, который Степан для неё и оставил.

— Второй коридор! — скомандовал я. — Фрол — черты на стене, води!

Во второй коридор Фрол выходил первым, ставил черту на стене и проверял шагом отмеченный на карте карман. За ним шёл Степан, я замыкал. Тварь протиснулась вслед и затолкала себя в тесный боковой карман между основанием стелла-

жа и стеной. Степан завалил стеллаж на тварь и, пока та пыталась освободить задние лапы, просунул свой короткий копейный наконечник под открывшуюся горловую пластину. Сжал древко обеими руками, упёрся ногой в ножку стеллажа. Тварь обмякла. Это добивание было его: своим приёмом, своим умом. Оставался у входа с пикой, прикрывая проход. Степан сам извлёк копьё из-под пластины и оглянулся на меня. Кивнул ему: получилось. Левую ломило от древка, но перехватывать у него эту добычу я бы сейчас ни за что не стал.

Пока Степан отводил копьё, тварь в последний раз дёрнула задней пластиной. Степан отдёрнул руку от острого края и зажал большой палец. Между пальцами выступила кровь — длинный, неглубокий порез. Велел ему подойти ближе и раскрыть ладонь: после добивания застывать над тушей рано. Промыл порез водой из фляги, Фрол придержал чистую салфетку. На внешнем пункте ждала Инга; до неё оставалось пройти коридор и вынести добычу. Степан попробовал спрятать палец в ладони, как только я убрал флягу. Попросил держать его перед собой; он снова расправил кисть и прижал салфетку, теперь уже не отворачивая руку.

На двух телах — два целых D-ядра. Подозвал учеников и показал, как извлекать в капсулу. Следил за их руками: после первого добивания особенно тянет поскорее ухватить добычу. Пусть возятся, пусть делают медленно; спешить тут некуда, жадничать незачем — по одному на ученика. Фрол протянул мне свою капсулу:

— Дима, вам же...

— Не мне, — сказал я. — И не в рот. Капсула — в карман. На выходе Грише покажешь, в опись внесёте. Твоя работа, твоя добыча.

Гриша ждал у входа с теми двумя термосами, которые утром поставил мне на стол. Гречка с тушёнкой ещё была горячая; уселись на ящики и взялись за ложки, а он разложил входной список и проверил обе капсулы. Рядом Инга закончила перевязывать большой палец Степана. Порез неглубокий; под свободным бинтом палец сгибался. Инга велела вечером показать его ещё раз. Гриша слушал, как ученики объясняют свои приёмы, и просил показать на ящиках, кто где стоял.

— Список три полевых: Дима, Степан, Фрол. Инга внешний пункт, связь подтверждена. Метки выхода — черты Се-вы и Ады, сверены. Две цели, два ядра, извлечение правильное. Долг за ту D-капсулу, — Гриша поднял капсулы к свету, — закрыт. Подтверждаю лично. Старое В-ядро — отдельно, экранированный кофр неизрасходован, к этому рейду отношения не имеет.

— Записал? — Заглянул в ведомость поверх своей ложки.

— Занёс. — Гриша указал на заполненную строку. — Старая цена исполнена, Дима. Со всеми процентами: процентами была моя седина.

Фрол доел, но на ящике ему уже не сиделось. Поднялся, оглядывая внешний пост, — и вдруг замер.

— Дима. Вон те... в робах рабочих. Смотрите — сапоги. Свежие, шнуровка казённая, подошва без царапины. Под рабочей робой. И у второго бланк в кармане — не наш, не местный, выдачный, печать чужая.

Прищурился в сторону ограды. Двое у ограды, в добротных робах, с новыми сапогами — и правда, у рабочих сектора сапоги убитые в первую неделю, а эти блестели, как выставочные. Бланк я разглядеть не смог — далеко, и доказать пока нечего: сапоги не улика, бланк не читан. За двенадцать лет в поле привык сначала смотреть, куда чужие повернутся сами. Подойду с вопросами — оба начнут смотреть на меня. Пока запоминал лица.

— Аудит, — сказал я тихо. — Или те, кто рядится под аудит. Запомнили лица, не больше. Пойдём отсюда.

— Они что, за нами? — Фрол понизил голос.

— За нами — посмотрим. Сегодня — запомнили. Идём, Степан, палец к Инге на контроль.

Вернулись к терминалу ещё засветло, в тот же тридцать пятый день. У ворот Фрол оглянулся на свои сапоги: ржавая пыль набилась в швы, и он с таким удовольствием провёл по ней пальцем, что я засмеялся.

— Теперь рабочие? — спросил он.

— Теперь мои, — Фрол вытер палец о робу. — Разницу понял.

Степан показал Инге перевязку ещё раз и отправился к Грише. Оба унесли свои капсулы, копья вернули мастеру под

подпись. Я передал Кате полевую ведомость; она убрала её отдельно от отчётов о защитном размещении.

— За капсулу рассчитался, — сказал я. — За людей расписка другая. Не смешивай.

— Я и не собиралась. А ты ешь. Тебя уже два раза искала Зоя.

Сева встретил меня с тетрадью на груди. Попросил рассказать про метки; чертил стрелки, задавал вопросы о левом повороте, и каждый раз, когда я показывал на схеме его две черты, уголки его рта приподнимались.

Про чужие сапоги сказал отдельно. Он вписал: «Дима видел двух у внешнего учебного поста. Бланк не прочитан. Фрол заметил раньше». Закрыв тетрадь ладонью и дождался следующего вопроса.

— Эти двое сюда за вами не поехали? — поднял он голову.

— До поворота их не видел. Дальше смотреть будем своими глазами.

Ада подвинула мне дощечку: «Полевые черты помогли?»

Поставил большой палец левой рядом с ответом Севы: «Все трое вышли». На этот раз он дописал крупно, не стесняясь почерка: «Это и моя работа».

Надя вошла с воротной книжкой раньше, чем мы успели допить чай.

— Дим, там машина. Требуют выдачу Севы. Говорят, сегодняшнее разрешение нужно проверить у них, на месте.

Рёбра заболели, едва поднялся со стула. Пику взял левой; правая осталась на перевязи. Катя уже вынула наш подписанный экземпляр «34—39».

— Проверять можно здесь, — сказала она, закрывая папку. — Идём покажем место.

Ещё не дойдя до шлагбаума, разглядел чужие номера на машине у ворот. Сбавил шаг: сперва посмотреть, кто приехал и где стоит, потом подходить к ним с пикой. Надя шла рядом быстрым, сдержанным шагом; у шлагбаума замедлилась вместе со мной и указала на человека у машины.

— Вот проверяющий. Я спросила, куда именно ему надо увезти Севу. Ответил: «В надлежащее место». В их место.

Остановился, переводя дыхание после дороги от дома. На вдохе снова потянуло под рёбрами. Переждал, пока отпустит, и посмотрел на Надю: до Севы эти ещё не добрались?

— Сева где?

— Внутри, с остальными восемью. Он в порядке. Они не прошли дальше внешнего поста.

— Катя, наш экземпляр при тебе?

— При мне. Новый, подписанный. — Она шла чуть позади, бережно прижимая папку к боку.

— Тогда идём к воротам. — Пику держал остриём вниз, Катя шла рядом с папкой. — Медленно. Побежим — ещё запишут, что пытались скрыться.

Проверяющий стоял по ту сторону шлагбаума — сухой, в приличном пальто, с портфелем, и с ним двое в новых казён-

ных сапогах. Я вспомнил Степана с Фролом у учебного сектора, двое подозрительных рабочих, бланк непрочитанный. Может, они. Может, другие такие же. Сапоги у ведомства, видимо, стандарт.

— Требую выдать лицо по имени Сева для сверки разрешения, — сказал проверяющий ровным голосом. — По расписке. Срок истёк. Старого разрешения. Выдача добровольная считается сотрудничеством.

Он держал в руке старую бумагу. Я узнал её издали — та самая расписка, с самого начала, просроченная, честно просроченная, никуда не денешься.

Катя подошла слева от меня, серая папка под мышкой. Раскрыла её на нашем экземпляре, придержала угол пальцем и дождалась, пока проверяющий закончит. Чуть повернулся к ней: хорошо, лист наготове. На глубоком вдохе снова потянуло под рёбрами. Буду говорить по пунктам, на коротких выдохах, а между ними добирать воздуха. Просрочку признаю первым — пусть сразу переходит к основанию, по которому собирается увезти Севу.

— Расписка действительно просрочена, — сказал я спокойно. — Этого мы не отрицаем и отрицать не будем. Но вы приехали не по расписке. Вы приехали проверять разрешение — а разрешение новое, действует, и проверять его можно здесь. Это прямо написано в режиме, подписанном вчера утром. Представитель, Фёдор, городской Гриша — три подписи.

Проверяющий моргнул. Перевёл взгляд со старой бумаги на открытую Катину папку, затем вернулся к расписке и задержался. Только что требовал выдать Севу без запинки; теперь выбирал, на что ссылаться дальше. Я дал ему время сопоставить бумаги. Мне эта заминка подходила: обе бумаги оставались перед ним, а Сева — дома. Пусть объясняет, какое именно основание он привёз.

— Расписка — основание. — Он поднял старую бумагу повыше.

— Расписка — основание старой проверки. Просрочка не погашена. Но новый приказ об изъятии отменён отдельно, а сегодняшнее размещение защищено новым решением. Подписанным. Хотите, покажу сначала отмену, а потом новое? Или в обратном порядке?

Катя развернула открытую папку к нему и поднесла ближе к шлагбауму. Я смотрел на его лицо, пока он читал. Он читал строку за строкой, задерживаясь у подписей и срока; знакомился с бумагой всерьёз, и торопить его я не собирался. И на строке о вечерних отчётах его губы чуть сжались. Вечерний отчёт — это бумага, которую завтра найдут.

— Увоз лица в неуказанное место данным режимом не предусмотрен, — сказала Катя. — Могу зачитать пункт, могу дать переписать.

— Добровольная беседа, — сказал проверяющий, сменив тон на мягкий, почти отеческий. — Никто же не увозит. Если лицо само пожелает проехать и пообщаться...

Вот оно. Умный ход, признаю. Глянул на машину за его спиной: стояла готовая, люди ждали. Теперь ему требовалось Севино «да», а не приказ об изъятии. Скажет «нет» — начнут давить: грубость, отказ сотрудничать. Скажет «да» — посадят в эту машину, прикрыв отменённое изъятие добровольной поездкой. Удержал взгляд на проверяющем, пока Катя придерживала открытый пункт о размещении.

Глава 6

Я обернулся. Сева уже стоял за шлагбаумом — вышел сам, тетрадь под мышкой, тихий, собранный. Он всё слышал.

— Я хочу говорить здесь, — сказал он ясно, чтобы слышали и охрана, и мы. — Здесь и сейчас. Разрешение моё проверяется здесь — так написано. Ехать никуда не хочу.

Сева поднял открытую ладонь — наш ночной сигнал остановки, проверенный на безопасном спарринге. Ночью этой ладони хватило, чтобы я остановился. Сейчас перед ней стояли чужие люди, а он всё равно держал её высоко, на виду. Охранник внешнего поста повернулся к нему всем корпусом. Проверяющий перевёл взгляд с ладони на Севино лицо: уговоры закончились, отказ прозвучал при свидетелях.

— Стоп, — Сева смотрел мимо проверяющего, на машину. — Проезд машине закрыт. Людям — проход.

Надя с Кириллом уже сдвинулись — не к проверяющему, к машине. Кирилл, длинный, невозмутимый, встал перед капотом так, словно собирался там стоять до зимы. Надя — у водительской двери, руки свободно, открыто, но дверь теперь не откроешь тихо.

Один из людей в казённых сапогах потянулся к рукаву Севы. Пальцы уже раскрылись для захвата. Шагнул между ними, держа пику левой, остриём вниз. Для драки правая с тремя штифтами и двумя немymi пальцами не годилась; зато

ногами я ещё мог перекрыть дорогу. Чужая кисть оказалась перед моим плечом, до Севиного рукава теперь было не дотянуться. От короткого шага отдало в ушибленный бок. Выдохнул через зубы и остался стоять.

— Рывок сотруди́ника через линию людей при действующем режиме фиксируется, — сказал я негромко. — Как и попытка посадить человека в чужую машину против его решения. Ребята на постах всё видят. Вы же не хотите, чтобы в вечернем отчёте было слово «силовой»?

Чужая рука зависла перед моим плечом, потом опустилась. Из-за поста вышел Аким — свежая смена — и занял место рядом со мной. Смола встал у Нади, заслонив водительскую дверь своим широченным корпусом. Теперь, чтобы дотянуться до Севы, пришлось бы сперва столкнуть одного из нас. На глазах у двух постов.

Проверяющий посмотрел на нас. На Катю с папкой. На охранника ближайшего поста — немолодого, с отёками под глазами. Тот достал карандаш, упёр книжку в столб шлагбаума и крупно вывел: «транспортного основания нет». Стоя рядом, я прочёл запись через его плечо. Проверяющий вытянул шею; охранник оставил книжку раскрытой.

— Я свяжусь с ответственным, подписавшим режим, — сказал наконец проверяющий. Он уже достал телефон, но палец задержал над экраном. Уехать молча при такой записи в воротной книжке я бы на его месте тоже не рискнул. Пусть подписавший режим сам скажет, что делать.

— Связывайтесь. — Остался между ним и Севой, пока проверяющий держал телефон перед собой. — И передайте ему два вопроса. Первый: на каком основании выдвинуто требование увоза, использующее просроченную расписку, если изъятие отменено? Второй: ваши имя и должность — для встречного наряда. Мы тоже имеем право на наряд.

— На какой... — начал он.

— На замечание по факту попытки увоза. Оно оформляется. Как и развод двух оснований — письменный, прошу. Вы различаете: старую просрочку и новое, действующее разрешение. Напишите это своей рукой, и мы расстанемся вежливо.

Он набрал номер. За весь разговор он дважды открыл рот и оба раза закрыл, выслушав ответ. Убрал телефон, достал из портфеля чистый лист и писал минуты три, положив его на крышку портфеля. Катя стояла рядом с раскрытым разрешением. Когда он дошёл до срока, подвинула лист ближе, чтобы мог сверить цифры. Остальное ему пришлось писать самому.

Он написал: требование выдвинуто по старой расписке; нарушение прежнего срока остаётся предметом проверки; нового транспортного основания при разрешении «34–39» не предъявлено; замечание по попытке увоза принял. Подпись, должность, имя — разборчиво. Катя взяла лист, прочла от первой строки до подписи. Проверила должность и имя, приложила новую бумагу к разрешению и только тогда

кивнула.

— Машина может проехать? — спросила Надя у водителя почти ласково.

— Машина разворачивается, — сказал водитель, глядя прямо перед собой.

Надя отошла от двери, Кирилл пропустил машину назад. За оградой она развернулась и уехала. Охранник закрыл книжку, убрал карандаш в нагрудный карман и вернулся на пост. Теперь у вечернего отчёта был свидетель, а у Кати — подпись проверяющего. Я проводил машину взглядом, пока чужие номера не скрылись за поворотом.

— Дима, — сказал Сева, когда ворота закрылись. Он открыл тетрадь и записал, проговаривая: «Факт: требование увоза опиралось на старую расписку. Факт: проверка проведена на месте. Факт: два человека у внешнего поста не опознаны». Он поднял на меня глаза. — Спасибо, что не дал мне поехать. Я почти хотел — чтобы проще было.

— Проще было бы на два часа. — Перехватил древко пониже, давая левой отдохнуть. Сева смотрел на меня и ждал, пока договорю. — А потом сложнее на две недели.

Сева посмотрел на собственную раскрытую ладонь.

— Ночью останавливали друг друга. Сейчас я остановил чужую поездку. Без их команды.

— Ты отказался. Все слышали. Этого достаточно. — Кивнул на пост, где охранник стоял с убранный в карман книжкой. Севино «нет» он тоже слышал и мог подтвердить. — А

жест на записи остаётся отдельным следом. Не надо смеши-
вать.

Он кивнул, дописал ещё строку и прикрыл её пальцами. Отвёл взгляд на ворота, дожидаясь, пока Сева уберёт карандаш. Свою тетрадь Сева вёл сам; объясняться за каждую запись передо мной ему незачем.

К вечеру приехал городской Гриша — один, с описью экранированного кофра. Старое В-ядро лежало у него в мастерской, нетронутое. На листе была отметка утренней проверки замка. Он вошёл в комнату учёта, положил опись на стол:

— Ковр не продаётся, это ты знаешь. Хранится у меня в мастерской, как прежде. Опись у тебя для сверки, расписка о хранении моя. А завтра — только завтра, не сегодня — обсудим, когда Сева хочет зайти в мастерскую. Своими ногами.

— Завтра, — согласился я. — Сегодня я уже ничего не решаю умного.

Он усмехнулся в усы, поправил угол описи, оставшийся поверх моей бумаги, и ушёл. На пороге задержался, пропуская кого-то с чайником; из комнаты учёта я видел, как он придержал дверь.

Сева остался с остальными восьмью — он выбрал жилую комнату, их комнату, где Сомов уже гудел что-то своё, а Рита раскладывала чей-то сушащийся бинт, а Зоя молча грела чай на всех. Сомов освободил ему место, Зоя поставила рядом ещё одну кружку. Сева сел и положил тетрадь на колени.

Здесь к нему можно было обратиться по имени, которое он сам подтвердил тридцать третьего дня, и дожидаться ответа. Из дверей до меня донеслось: «Сева, тебе покрепче?» — и его спокойное: «Как всем».

До защищённой комнаты добрался медленно: на повороте рёбра опять прихватило, пришлось переждать у стены. У двери оставил пику в стороне, чтобы не загородить проход, и постучал условным стуком левой. Нина Ивановна открыла сразу, с ключом в руке. На пороге оглядела меня с головы до ног и отступила, впуская. Сима подняла голову от книги. Мать посмотрела на меня, потом на левую ладонь, которой я ещё придерживал бок:

— Рёбра? — Она отвела для меня стул от стола.

— Рёбра в порядке. — Сел боком, пока хватало места для коленей, потом понемногу развернулся к столу. — Рёбра — как вчера. Это лучший комплимент, который я могу им сделать сегодня.

Она фыркнула и налила мне горячего чая. Кружку поставила слева. Потом пришла Катя с папкой, из которой торчал подписанный проверяющим лист. Помедлила у стола, убрала бумагу поглубже и села.

Сима рассказывала про кота, которого видела из окна: он долго выбирал, на какую сторону забора прыгнуть, а потом уселся сверху и сделал вид, что так и собирался. Катя слушала, обхватив кружку ладонями. На словах про забор у неё вырвался смешок, и я тоже засмеялся — осторожно, рёбра

всё ещё были при мне. За окном прошла смена; шаги удалились к воротам. Можно было допить чай, пока он горячий.

Катя отодвинула папку подальше от чашки, чтобы край не попал в мокрый круг на столе. Мне хотелось ещё раз взглянуть на подписанный лист, проверить, всё ли он написал. Но Катя уже проверила. Сева остался здесь, разрешение действовало до пересмотра, старый долг был закрыт; опись кофра я тоже получил. Можно было оставить бумаги до завтра и наконец дать Кате допить чай. Об Аудите предстояло вспоминать ещё много раз; никуда он после сегодняшнего разговора не делся. Но Сева сидел в своей комнате, машину мы вывели, и никто за столом не ждал команды встать и ехать. Мать придвинула хлеб. Я взял кусок.

Пересмотр назначен на тридцать девятый. До него оставалось четыре дня, в которые требовалось жить и работать. Сейчас мать поставила на стол ещё одну тарелку — мою, с краю, чтобы я не тянулся больной рукой.

Ужин подходил к концу. Мать собирала тарелки, складывая одну в другую, — мою сняла первой, с самого края: туда её и ставила, чтобы мне не тянуться через весь стол. Убрал локоть с края, чтобы ей было удобнее собрать остальные тарелки. Сима вытирала стол губкой и ворчала на чайник, древний, никелированный, со свистком, который свистел не вовремя и не в тон.

— Он как дядя Лёва, — сказала Сима, не поднимая головы. — Сначала молчит, потом орёт, когда все уже договори-

лись.

— Между прочим, — мать поставила чайник на подставку, — этот чайник пережил три переезда и одну очень нервную соседку. Попрошу без ненавистнических комментариев.

— Он ненавистный, — ласково согласилась Сима. — Я его люблю.

Катя сидела напротив меня в тонком свитере. Секретарский пиджак она сняла ещё до ужина и повесила на спинку стула. Потянулась за кружкой; ворот чуть сдвинулся, открыв ключицу, и я задержал взгляд. Она заметила, посмотрела в ответ. Пришлось улыбнуться: на отчёты за неделю я столько внимания точно не потратил.

Инга ждала в соседней комнате со своим жёстким чемоданчиком. Поднялся из-за стола, придерживая левой край столешницы, и дошёл до неё. Ноги за весь день не подвели ни разу. Инга указала на стул, дождалась, пока сяду, и попросила показать, где больнее. Отвёл ткань рубашки от левого бока, под её пальцы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.